

Анастасия
Торопова

16+

Наследие ушедшей

цивилизации

Анастасия Торопова

Наследие ушедшей цивилизации

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Торопова А. Е.

Наследие ушедшей цивилизации / А. Е. Торопова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Далёкое будущее. На планете остался один огромный материк, омываемый водами мирового океана. И на том материке - всего два города-гиганта, жители которых настолько различны, что их вражда и споры не прекращаются уже более пятисот лет. Кроме того, ни жители Асконии ни жители Ирика при всей своей развитой технологии не могут покинуть пределы стратосферы. При всём при том, что над планетой часто висают гости из других миров. Выпускник школы пилотов, который стал интересоваться прошлым планеты, пытается найти ответы на мучившие его вопросы с самого детства.

Содержание

Наследие ушедшей цивилизации	5
Часть первая	6
Глава 1. Бар «Фиалка»	6
Глава 2. Военный корпус Асконии	9
Глава 3. Разговор на набережной	12
Глава 4. Обычное ириканское утро	14
Глава 5. Зброшенный парк	17
Глава 6. Экзамен Трофима	20
Глава 7. Встреча ириканцев в Асконии	22
Глава 8. Чаепитие на краю Асконии	26
Глава 9. Друзья	30
Глава 10. Сны и мифы	32
Глава 11. Тайны нейтральной территории	34
Глава 12. Научные труды Трофима	37
Глава 13. Охота за ириканцем	38
Глава 14. Сделка	40
Глава 15. Приём у Бескровных	42
Глава 16. У Ирмы	44
Глава 17. У Элайзы	46
Глава 18. Знакомство с «пропавшими»	49
Глава 19. Цель Марты	52
Глава 20. Разочарование Трофима	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анастасия Торопова

Наследие ушедшей цивилизации

Наследие ушедшей цивилизации

Мы боимся быть откровенными друг с другом и потому носим маски, скрывающие наши истинные чувства, стыдимся своих ценностей. Ценности наши – они всегда почему-то не так важны, как ценности общепринятые. Они не так важны и почти преступны. А иначе, зачем скрывать их под толстой маской светского человека? А ещё за них всегда почему-то стыдно, ведь каждый может осмеять их, как только заглянет в душу. Но самое интересное не то, что собственные ценности у кого-то вызовут ухмылку (ухмылку они вызовут в любом случае, так как не являются родными), а то, что автор станет стыдиться их. Потому что не угадал, не угодил другому человеку своими же мыслями. А чего ради так необходимо угождать каждому своим мировоззрением – это уже другой вопрос, очень тонкий и деликатный.

Значит, маска является очень удобным инструментом для социализации населения. Кому-то однажды чудесным образом удалось выявить пакет ценностей для какого-либо конкретного общества. А каждый человек должен видеть в нём образец успешности и посему стремиться к этому. Но вся проблема (личностная проблема) состоит в том, что при длительном ношении масок они становятся вторым, а иногда и единственным лицом. И вот тогда общество начинает быть одноликим.

Часть первая

Глава 1. Бар «Фиалка»

– Я ещё раз спрашиваю вас, кто это сделал?! – инструктор по пилотажу Волков орал во всё горло, всё больше покрываясь багровыми пятнами. – Кто сюда входил и прикасался к учебным стратолётам?!

Это был не самый лучший день сегодня для него. Очередной учебный стратолёт, который только недавно привезли с новой партией, вышел из строя. Расщепился на молекулы генератор, и по цепной реакции слетели магнитные диски антигравитационного поля. Ломалась уже четвёртая машина за последние два месяца, как начались учебные полёты. «Робиль 112», предпоследняя модель с серебряными крыльями в форме полукапелек – теперь это всё представляло собой грудку ненужного металла.

– Я знаю, это точно, Родон! – инструктор в бешенстве обводил взглядом присутствующих, что заставляло его подопечных жаться по стенам и мечтать об убежище. – Где этот выродок?! Где эта генетическая ошибка?! Подать мне его сюда!

Некоторое мгновение после слов его держалась тишина в воздухе, в надежде на ответ; а потом осторожный шорох движений людских масс и шарканье курсантских тяжёлых ботинок по направлению к выходу заставило Волкова обернуться.

– Стоять!

Курсанты замерли.

– Где Трофим Родон?!

Кто-то громко откашлялся. Присутствующие невольно обернулись к несмелому нарушителю тишины. Лайсон Дунрут в выглаженной свежей форме стоял навтыжку, как на параде, и слегка улыбался.

– Вы думаете, – протянул он, глядя прямо на инструктора, – что Родон будет сидеть около сломанного стратолёта? Да он давно уже в какой-нибудь пивнушке.

«Фиалка» считалась самым дурным заведением, куда можно было бы прийти и пропустить стаканчик-другой неразбавленного стика. Здесь было немного сыровато из-за полуподвального помещения и сломанных обогревательных приборов, но зато – живая музыка. Вернее, парочка студентов консерватории на маленькой сцене пиликала что-то похожее на ноты. Они уже были немного под чарующим действием алкоголя, поэтому лажа своей игры их не очень огорчала. Впрочем, как и всех присутствующих, которые пришли сюда не за музыкой.

– Спаси, Вселенная, Троха, ты часто здесь бываешь? – Никита друг детства Трофима Родона настороженно оглядывался. Его смущали слишком ярко разодетые парни из обслуживающего персонала, которые с надрывным смехом плюхались посетителям на колени и ворковали с ними, предлагая свои услуги.

Трофим лениво оглянулся. Он уже опустошил свой стакан и окружающая обстановка не казалась ему такой уж мрачной.

– Да был тут как-то пару раз, – вяло протянул он.

– Это ужасно!

– Какая разница? Здесь есть выпивка и неплохая еда, как и везде. За что платить больше?

– За гармоничную обстановку, например, – поморщился Никита.

– Дожили, – буркнул Трофим ему в ответ, – теперь и за гармонию платить! Почему бы за воздух не выплачивать абонентскую плату?

– Кстати, – вспомнил Никита, щёлкнув пальцами, – в торговый центр завезли баллоны очищенного воздуха с повышенным содержанием озона и... – он осёкся, заметив злой взгляд друга.

Трофим отвернулся и стал яростно жевать зубочистку, делая вид, что слушает двух пьяных студентов консерватории.

– Трофим, – позвал его Никита осторожно, – что за психи?

– Всё нормально, – не отрывая взгляда от сцены, поспешил ответить Трофим.

– Прекрати.

– Да говорю: всё норм.

– Уверен?

– Да. Я просто засмотрелся на того кроху в синих лосинах.

– Он тебе понравился? – засомневался Никита.

– Да, – закивал Трофим, безразлично вскинув брови.

– Трофим, он – это же вульгарная особь с поганым прошлым и сомнительным будущим, – фыркнул презрительно Никита, прикрывая нос рукой, словно чувствовал зловоние.

– Ой, – заулыбался Трофим, – можно подумать твой Джонни не носит таких тряпок.

– Таких не носит.

– Точно такие же.

– Нет!

– И причёска похожа, – веселился Трофим, – «песня разъярённого павлина».

– Джонни из приличной интеллигентной семьи, с высоким положением в обществе.

– Это которая признавать тебя не хочет? – притворно припоминал Трофим, морща лоб и приподнимая одну бровь. – Это для которых ты просто солдафон, пилот стратолёта?

– Я-то хоть буду пилотом, а ты после очередного сломанного учебного стратолёта вряд ли, – выпалил разъярённый Никита и одним глотком вылил в себя всё содержимое бокала. После мгновенного опьянения его большие серые обычно добрые глаза потемнели и гневно смотрели на взбешенного друга.

– А это не я, – парировал Трофим, делая «невинный взгляд».

– Ты.

– Никто не видел – значит, не я.

– Никто не видел, кроме Лайсона. А он, конечно же, будет молчать как рыба, особенно после того, как ты сломал ему челюсть в клубе!

– Так я ему за дело. Он же назвал меня уродом. Сказал, что-то про кривизну ног, картофельный нос и степень оттопыренности ушей.

– Забыл про веснушки и рот как у лягушонка.

– Эй! Сейчас я тебе тоже челюсть сломаю!

– Ну, давай, попробуй!

С быстротой кошки Трофим вскочил с места и схватил Никиту за грудки. Столовые приборы задребезжали, сидящие вокруг люди замолкли и замерли в ожидании зрелища. Трофим встряхнул друга, который был на полголовы его выше и шире в плечах так, что тот почти потерял равновесие. Но Никита всё же выстоял и оттолкнул Трофима – тот опять упал на свой стул. Стул по инерции опрокинулся назад, увлекая за собой седока с растопыренными в разные стороны ногами. Трофим тут же вскочил на ноги и с непонятным рыком, большим похожим на стон неудовольствия, ринулся на обидчика. Никита не успел увернуться и наткнулся на соседний столик с опьяневшими посетителями. Те хотели только поглазеть на драку, но так случилось что и они, и соседние столики, благодаря принципу домино, стали участниками большой битвы. Пьяные скрипачи исчезли со сцены. Размалёванный обслуживающий персонал, утратив всё своё кокетство, раздавал пинки зазевавшимся участникам битвы. Помещение охватила ярость борьбы.

Сами зачинщики выбрались через дверь кухни на первых минутах побоища. Трофим, раскидывая стоящие на дороге пустые ящики и официантов, тащил за собой ещё разъярённого Никиту, уже не отвечая на удары его большой ладони по своей взлохмаченной голове.

Когда оба были уже на улице, прохладный воздух апреля окончательно отрезвил друзей, и, тяжело дыша, они пошли к набережной. Трофим осторожно косился на друга. Тот не сводил с него ещё злых глаз, но был спокойней. А через минуту даже пошутил:

– По сматыванию от ответственности ты – мастер.

– Ты про драку? – улыбнулся во все зубы Трофим.

– И про стратолёт тоже. И вообще, как ты умудряешься их портить?

– Я всё тебе расскажу, – пообещал Трофим, – только давай где-нибудь присядем. Пойдём к речке.

Глава 2. Военный корпус Асконии

Солнце клонилось к закату, освещая пустынные улицы Асконии. Стратолёты и «тарелки-такси» с лёгким всплеском энергии проносились в верхних ярусах воздушной дороги. Нижний ярус и сама дорога были пустыни. Огромные дома с большими затемнёнными окнами отражали прощальные лучи солнца только верхними этажами. Внизу было темно. Фонари давно не работали за ненадобностью. Уже много лет асконцы боялись ходить пешком в центре города. Когда не проезжали правительственные дорожницы привилегированного фиолетового цвета, здесь процветало царство одичавших домашних животных.

Военный корпус, как одно из важных административных зданий, помпезно возвышался в центре города. Во время почти пятисотлетней войны с городом-соперником Ириком военный корпус находился под землёй. Но мир продолжался более семидесяти лет, и за это время, словно беря реванш, главный военный штаб "перерос" все остальные городские постройки. Как и у соседних зданий, окна военного корпуса были затемнёнными, но не так сильно, и при полном освещении большой пирамидальный небоскрёб казался гигантским притушенным светильником. А когда «светильник» не потухал за полночь, значит, шла внутри него серьёзная и напряжённая работа.

Но в эту ночь горели только несколько этажей, в том числе и пятьдесят третий, где руководил отделом майор Игорь Родон. Он уже собирался домой, как к нему в кабинет постучался адъютант министра обороны и попросил задержаться.

Адъютант обладал особой властью, которая была почти незаметна, но все её непременно чувствовали. Он говорил вкрадчивым шёпотом, смотрел в глаза с лёгким прищуром и никогда сразу не отвечал на заданный вопрос. Перед каждым ответом он собирал всё лицо в кучу, внимательно смотрел на собеседника и первые слоги ранено растягивал. Это отбивало всякую охоту что-либо у него спрашивать. И именно этот человек постучался в кабинет майора Родона, когда тот уже застёгивал портфель.

– Добрый вечер, майор, – растянул в улыбке лицо адъютант министра обороны и приподнял раскрытую правую ладонь вверх в знак приветствия.

– Добрый, – Игорь Родон откинулся в кресле и внимательно посмотрел на посетителя. Он, не спеша, раскрыл ладонь в приветствии и этой же рукой сделал приглашающий жест. – Стиф Малакаи, честь для меня ваш вечерний визит.

– Да поздно уже, – согласился с улыбкой Малакаи, уловив лёгкий намёк неудовольствия в радужном приветствии майора. – Но обстоятельства не терпят, как говорится, отлагательств.

– Случилось что?

Стиф Малакаи удобно расположился на гостевом диване и как всегда сморщил мордочку перед ответом, но ненадолго, так как заметил, что собеседник внимательно рассматривает свои руки и не очень интересуется заданным вопросом.

– Случилось. Завтра министр просит вас быть в зале заседаний. Будут гости.

Малакаи сделал паузу. Родон кивнул и продолжал изучать руки, делая акцент на ногтях. Адъютант министра поджал губы.

– Будут ириканцы, – добавил он и с удовольствием заметил напряжение майора. – Их будет четверо во главе с самой Даяной Бескровных.

Родон поднял глаза на собеседника.

– Интересный факт, – улыбался Малакаи.

– Да, – согласился майор Родон, – очень интересный. Особенно если учесть, что Бескровных из поколение в поколение были генетиками. Причём тут министр обороны? Причём тут я?

– Министр обороны, – поморщился Стиф Малакаи, – при том, что всё же ирикнцы – наши потенциальные противники. Не важно, чем они занимаются в мирное время. А вы необходимы потому, как Мартин Кари, наш бывший ведущий генетик, был вашим супругом, входил в научную коалицию асконских и ириканских генетиков двадцать лет назад, в которой участвовал наш любезный гость Бескровных, и приложил руку к вашему собственному клонированию. Он помог родиться вашему сыну.

– Я ничего не знаю про бывшую деятельность Мартина. Я всю жизнь был военным, а он занимался наукой. О делах мы не разговаривали. – Игорь поднялся и с тяжёлым лицом расхаживал по кабинету.

Малакаи смотрел на него снизу вверх. Ему было неудобно, но он продолжал сидеть на диване в той же непринуждённой позе.

– Собрание, – протянул он, – созвано для обсуждения одной общей проблемы: нашей и ириканской. Это вымирание нации. Неэффективность нашего метода репродукции.

– Чем же оно не эффективно?

– Люди едва доживают до сорока лет, – Малакаи выдвинулся всем корпусом навстречу собеседнику. – Каждое последующее поколение из-за клонирования становится слабее физически и психологически...

– «Психологически»?

– Да. Клиники для душевнобольных процветают.

– У вас точные данные?

– Это статистика. А ещё большой процент самоубийств за последнюю пару лет. Это не прямое доказательство вымирания нации?

– А причём тут ириканцы?

– А у них та же печальная картина. Они будут просить о коалиции, какая была двадцать лет назад во главе с Мартином Кари. Проект, который разрабатывался во время первого научного эксперимента, не такой уж провальный.

– Не такой провальный? – Родон расстегнул ворот, который был слишком тугим для его взволнованного дыхания. – Вы видели моего сына? Я позволил Мартину ввести новую формулу генетического кода в мою ДНК, чтоб мой сын был намного развитей меня самого. Не был похож на меня – был лучше. А на самом деле... Да, он на меня не похож, но он просто смешон. Ему двадцать лет, а выглядит на семнадцать, тощий, не спортивный...

– Ваш сын самый выносливый во всей лётной школе.

– Что? – Родон приостановился.

На этот раз Малакаи наслаждался паузой и держал её дольше обычного.

– Что вы хотите этим сказать? – Игорь Родон нервничал в нетерпении и ненавидел Малакаи, который наслаждался его нетерпением.

– Ну... – протянул адъютант министра, – если бы не его физическая выносливость, то давно бы вытурили – всё-таки четвёртый стратолёт, а они сейчас дорогие...

– Ну не тяните! Как мой сын может быть выносливым. Его же на ветру качает.

– Крепкая иммунная система, адаптация к высоким перегрузкам, сменам давления, быстрая реакция, высокий порог чувствительности. Мышечная масса подкачала, но все остальные параметры просто идеальны. Да, ваш сын никогда не будет фотомоделью, но на космодроме ему уже готовят место.

– На космодроме? Невероятно. Мой Трошка?

– Ну, если он правильно сдаст решающий зачёт.

– Так значит...

– Так значит, у Мартина Кари получилось. Жаль, что его уже нет в живых, как и всех учёных генетиков альянса, которые погибли при взрыве лаборатории. Но есть Трофим Родон, есть Даяна Бескровных, который в том научном альянсе был лаборантом и чудом спасся от

взрывной волны. И он может что-то знать, хоть и был просто на побегушках. Может, поэтому ириканцы очень просят вашего присутствия на завтрашнем заседании.

Малакаи склонил голову набок и внимательно посмотрел на майора. Тот под действием тяжёлых воспоминаний ушёл глубоко в себя и не сразу заметил, что собеседник давно уже закончил свою речь и ждёт от него какой-то реакции. Могучие плечи Родона опустились вместе с уголками губ, он облокотился о стол и смотрел в окно.

– Майор! – позвал Малакаи.

– Да? Ах, да, я буду... Так вы говорите: четвёртый стратолёт?..

Глава 3. Разговор на набережной

На набережной как всегда холодней, чем в каком-нибудь другом районе, особенно в середине апреля. Никита и Трофим кутались глубже в куртки. Они игнорировали скамейки и разместились под старой ивой на посеревшем от времени стволе давно упавшего в бурю дерева.

– Ну, рассказывай, – толкнул друга в бок Никита. – Как ты собираешься выкручиваться со стратолётом... накануне... решающего зачёта?

– Честно, не знаю, – пожал плечами Трофим. – Может, рассказать им всю правду. Ну, что я не хотел...

– Может, для начала мне расскажешь, – предложил Никита, а я тебе посоветую, стоит Волкову говорить или воздержаться.

– Про Волкова не знаю. Он человек недалёкого ума, но люди с космодрома должны заинтересоваться моими исследованиями.

Никита приподнял брови и подвинулся поближе.

– Смотри, – с жаром выпалил Трофим, соскочил с бревна и веткой стал что-то чертить на земле, освещая рисунок карманным фонариком. – Допустим, это генератор...

– Допустим, – с сомнением глядя на каракули друга, уступил Никита.

– ...Отсюда поступает сырьё для топлива, в нашем случае соединение тяжёлых металлов с водородом. Идёт расщепление: атомы металла оседают здесь, а здесь скапливается водород, где соединяется с кислородом, переходит в воду и поступает по трубке в отсек, стенки которого содержат жидкий азот – вода охлаждается и поступает в радиатор. Ну да тут всё понятно... атомы тяжёлых металлов под давлением и при высокой температуре распадаются, выделяется энергия, которая переходит в электрическую, а электрическая энергия, проходя через соленоид, создаёт магнитное поле. Магнитное поле включает антигравитацию, работает турбодвигатель. И этой всей рабочей энергии хватает только-только, чтоб все запустилось и как-то работало. Атомы тяжёлых металлов при распаде не могут дать больше. А если увеличить их процентное содержание в смеси, будет просто взрыв с неприятными последствиями. Тебе пока всё понятно?

Никита неуверенно кивнул. Лицо Трофима при слабом освещении карманного фонарика казалось безумным. Глаза горели, все мышцы лица приходили в движение, словно это помогло лучше донести информацию.

– Так вот, – продолжал Трофим, – если использовать вместо тяжёлого металла что-нибудь другое, концентрацию чего можно смело увеличить без угрозы для жизни, мы будем иметь супер двигатель и супер антигравитацию. Может тогда наши сраные стратолёты смогут покинуть стратосферу и выйти в открытый космос.

– Ты... хочешь всё это им рассказать?

– У меня есть шанс попасть на космодром. А зачем мне космодром, если ни мы, ни придурки-ириканы ни разу не вышли в космос. Наши технологии почему-то не могут преодолеть земное притяжение настолько, чтобы выйти за пределы стратосферы. Я хочу предложить что-то новое.

– Ладно–ладно, а что ты собираешься предложить им вместо металла.

– Минерал. Кремний.

– Что?

– Да, кремний. Но тут давлением и высокой температурой не отделаешься. Я собираюсь использовать энергию света. Пока это кажется бредом, но я уже примерно знаю, как всё устроить. Это будет мощной ударной силой для молекул кремния. При распаде этого минерала

выделяется большое количество кинетической энергии, которая на 98 процентов тратится на совершаемую работу. И только 2 процента на тепло.

Трофим бегал вокруг бревна, на котором продолжал сидеть Никита с приподнятыми бровями и полураскрытым ртом, и то теребил взъерошенные волосы, то импульсивно жестикулировал руками, поднимая их к небу.

– А, – произнёс несмело Никита, – а твой отец одобряет твоё увлечение? Я потому спрашиваю, потому, что...

– ...Что знаешь его, – закончил за друга Трофим и словно потух. Он опустился рядом с ним на поваленное дерево и заметно загрустил. – Конечно, ему не понравится всё это. Он хотел видеть меня похожим на него – сильным, ловким, решительным защитником Асконии. Он хочет, чтоб я был военным. А меня еле терпят в школе пилотов.

– Не преувеличивай. Просто тебе не стоило портить их стратолёты.

– А как бы я тогда узнал? Ведь... ведь у меня получилось расщепить кремний в генераторе.

– Да ну!

– Да! Только пока вместе с генератором, но это только начало.

– Не пугай меня. Трох, я прошу тебя, остановись. Остановись на время, пока не сдашь этот зачёт. Пока тебя не зачислили на космодром, не делай и не говори ничего лишнего. А потом видно будет.

Трофим внимательно смотрел на друга. Никита как всегда был прав. Спокойный, уравновешенный, надёжный – он был оплотом уверенности и благоразумных поступков. Трофим опустил голову и слегка кивнул.

– Да, ты прав, – тихо сказал он. – Мне нужно отвлечься от всех этих мыслей. Кстати, завтра же футбол! Ты идёшь? Ты говорил, что...

– А, – Никита досадливо поморщился, – понимаешь, я уже пообещал Джонни...

– Опять Джонни! Вечно этот Джонни! Когда Джонни уже закончится?

– Ну не надо так. Вот появится у тебя молодой человек...

– Не появится у меня молодой человек!

– Когда-нибудь появится.

– Отстань! Пойдём отсюда – я замёрз.

– Пойдём. Сам меня сюда приволок.

Они, ежась от холода и перебрасываясь друг с другом ворчанием, поднялись на дорожку и направились на парковки «тарелок-такси».

Глава 4. Обычное ириканское утро

Даяна Бескровных, щурясь, смотрела в окно на ползущее из-за горизонта солнце. Солнце было алым. И небо, те его кусочки, куда попадали лучи просыпающегося светила, приобретали красноватый оттенок. Ночные облака расползались в разные стороны, подгоняемые лучами рассвета, как будто уступали дорогу новой власти. Было изумительно красиво. Но Даяна не просто любовалась могуществом природы – она размышляла. На высоком бледном лбу с выбившейся черной прядью волос из причёски, собрались «думающие морщинки». Сегодня она должна лететь в Асконию, это три тысячи километров на восток до западных городских ворот и ещё двести до центра города. Между городами лежала нейтральная территория, непригодная для жизни и промышленной зоны.

Тысячи километров полупустыни, плато и скалистой местности. Говорят, на нейтральной территории даже дикой живности нет. Про неё ходят разные легенды, страшные истории с духом мистики. А ещё раньше, лет сто назад на ней разворачивались военные действия. Ирик воевал с Асконией. Воевал долго, с незначительными перерывами. Никто не помнит, из-за чего началась война и когда именно, но предположительно пятьсот лет назад и из-за территории для жизни, потому как единственный материк планеты омывали воды большого океана.

Силы оказались равными. Ириканцы и асканцы с таким рвением боролись за лишний клочок земли, что скоро некому было селиться на отвоёванных территориях, а большая часть материка пришла в совершенную негодность. Война постепенно затихла сама собой. Две враждующие расы закрылись за высокими стенами городов-гигантов и долгое время игнорировали друг друга. Но за последние семьдесят лет научились терпимо относиться друг к другу. И даже временами налаживались торговые отношения.

Однажды на территории Асконии собрался научный альянс ириканских и асконских генетиков, решающих вопрос о слабости рас. В таком альянсе участвовала и Даяна Бескровных, будучи тогда ещё простым лаборантом. Учёные не смогли довести дело до конца. Взрыв в лаборатории унёс самые светлые умы современности. Даяна спаслась чудом. Она находилась в инкубаторе, выкладывала новые пробирки, когда взорвалась центральная колба в основном помещении.

В родном городе ей пришлось перенести серию операций, но она выжила. Потом знакомство с Лорой Роуз, богатой и влиятельной ириканкой, которая долго не могла завести ребёнка. Все её клоны умирали на втором году жизни. Даяна была ещё молодым генетиком, но поговаривают, что именно она составила формулу генов Роуз, которая позволила пройти клонированию удачно. Так появилась Анитси, которая из-за некоторых изменений генотипа матери не была её копией, но Лора любила её безумно. Даяна и Лора сошлись скоро в браке. По закону Ирика, когда Бескровных исполнилось двадцать семь, она клонировалась, подарив миру Марту, такое же бледное и худенькое создание с огромными чёрными глазами.

Анитси было только семь, её мать покинула этот бранный мир, оставив своей семье корпорацию институтов генетики и медицинских учреждений. Так Даяна повторила судьбу своих предков, став ведущим генетиком города Ирика.

Видя закат своей расы и понимая, что в городе-сопернике происходит подобная ситуация, Бескровных решила довести до конца дело, начатое Мартином Кари. Она не знала всех подробностей идеи Мартина, но помнила, что альянс созвали асконцы, а значит, в Асконии больше информации. Или, как гласил девиз Мартина Кари, который всегда висел в лаборатории над портретами учёных прошлого: «Ищи Истину, лишь рука об руку с ней обретёшь себя».

Найти истину и надеялась Даяна, глядя в сторону далёкой Асконии.

– Капитолина! – позвала она, оборачиваясь в сторону большого коридора. – Капитолина, время!

В комнату быстрым шагом вошла служанка, плотная, но подвижная. Она несла на руках длинный плащ и, подойдя к хозяйке, накинула его ей на плечи, заботливо расправляя складки на спине.

– Где девочки? – спросила через плечо Даяна.

– Марта ещё спит, – отозвалась Капитолина.

– А Анитси?

– Взяла стратолёт полетать. Как всегда в это время.

– Надо прекратить её полёты. В институте совсем не появляется.

– Ваш стратолёт уже на крыше.

– Да. Пора уже.

Домашний лифт уже поднимал ириканку на крышу дома, когда раздался телефонный звонок. Даяна привычным движением нажала кнопку у виска.

– Да.

– Мама, привет! Ты ещё дома? – это была Анитси. Она называла Даяну мамой.

– Почти. Что случилось?

– Тут, понимаешь... меня задержали...

– Опять превышение скорости?!

– Не ругайся.

– Ты хоть понимаешь, что я лечу на очень важную встречу?! – лифт приехал, и Даяна вышла на крышу, где её уже встретил утренний ветер и взбил по-своему причёску. – Ты доиграешься, и я заберу у тебя «Рыжую молнию»!

– Я не понимаю, чего они паникуют! – пыталась оправдаться Анитси. – Неужели я кого-то сбила. Утро раннее – никого нет в воздухе. Я же специально рано встаю, чтоб погонять...

– Так, хватит! Я сейчас сажусь в стратолёт и улетаю из города.

– Так что на счёт штрафа?

– Пусть выписывают. А я с тобой потом поговорю, когда вернусь.

– Сильно будешь орать? – несмелый шёпот уловила Даяна в наушнике.

– Всё будет зависеть от суммы штрафа, – Бескровных отключила связь. – Лица, – позвала она пилота, – полетели!

В центре города у развалин музыкальной академии патрульные стратолёты всё ещё держали в окружении маленький прогулочный летательный аппарат с рыжей молнией на боку и с ничего не значащим номером «7575КА».

– Ещё одно нарушение, Анитси Роуз, и мы лишим вас прав на управление стратолётом, – гнусавила пожилая ириканка, что-то непрерывно записывая в сенсорный блокнот.

Анитси дула на непослушную рыжую чёлку и закатывала глаза.

– О чём вы говорите, – возмущалась она, – какие нарушения?! Я летела на предельно допустимой скорости.

– На предельно-недопустимой, – металлическим голосом поправила вторая ириканка в форме воздушного патруля. А первая утвердительно кивнула, не отрывая глаз от блокнота.

Анитси упрямо сложила руки на груди и насупила брови. Что спорить с такими тупоголовыми особями? Лучше досчитать до десяти и пропеть про себя какую-нибудь забавную песенку. Ещё минута, и документы на стратолёт вернулись ей в руки. Анитси выдохнула.

– Я могу лететь? – сладким голосом спросила она ириканок в форме.

– Счастливого полёта, – патрульные раскрыли ладони, прощаясь, и оставили молодую ириканку в покое.

«Ну вот, – думала Анитси, находясь уже в салоне стратолёта, – вечно так происходит. От матери влетит, конечно, за штраф, – она включила антигравитацию на средний уровень, приподнялась на шесть метров над землёй. – Эти гарпии не поскупились на цифру на квитанции. Надо что-то решать, – двигатели включила Анитси с умеренной скоростью, поскольку патрульные отлетели недалеко и ещё присматривали за ней, двинулась по направлению к дому. – Я не могу тренироваться в черте города, может... Скоро гонка с Бешенной Розой. А что, если...» – Анитси взяла опасный крен и повернула к северной части города.

Глава 5. Заброшенный парк

Дальняя северная часть города находилась в полуразрушенном районе, где всё реже и реже встречались жилые дома, в которых доживали свой век одинокие ириканки. Ещё северней простирался одичавший парк, который с каждым годом всё больше походил на лес. За его густыми зарослями деревьев Анитси едва различила посадочную поляну. Жители парка давно не принимали гостей (с осени это точно), и потому большие проталины и весенний мусор, появившийся из-под талого снега, портили хорошую посадку. Но Анитси села. Стратолёт был словно продолжением её тела, и управляла она им мастерски. Правда, сильно ругалась, когда при выходе из кабины вляпалась в здоровую лужу.

– Анитси! – знакомый голос заставил девушку обернуться.

Из деревянной постройки вышла высокая красивая ириканка с длинными нечесаными белыми волосами. Она куталась в широкое старое пальто и ёжилась от утренней прохлады. На ногах были домашние тапочки.

– Элайза, зайди в дом, простудишься! – гостя захлопнула дверь стратолёта и, потирая плечи под лёгкой пилотской курточкой, подбежала к вышедшей к ней навстречу девушке.

– Я почему-то ждала тебя на днях, – Элайза улыбалась потрескавшимися губами и шла по направлению к дому, подталкиваемая Анитси. – Поэтому третий день дежурю на поляне.

– Рассказывай. У вас тут помойка на посадочной площадке. Ждала она...

Элайза обиделась.

– Ну, ты же всегда неожиданно прилетаешь. Зимой вообще не была.

Они вошли в дом. Это была хорошо обставленная сторожка. Элайза могла прождать в ней гостью ещё месяц. Здесь было всё, что необходимо для жизни, включая машину типа ИИ (искусственного интеллекта), старую, правда, но с хорошими характеристиками.

Элайза скинула пальто и засуетилась у печки, разжигая посильнее огонь.

– Холодно сегодня, – говорила она. – Ветер какой-то мерзкий.

– Как твоё здоровье? – поинтересовалась Анитси, разуваясь.

– Спасибо, – Элайза улыбнулась и убрала волосы на затылок, открывая бледное измученное лицо с кругами под красивыми синими глазами, – уже много лучше. Наш доктор говорит, что ещё повоюю. Чай будешь?

– Не очень горячий. Спасибо. Так ты ещё не выкинула мысль о «повоюю».

– Если выкину, к чему тогда моё несчастное существование? – Элайза сделала большой глоток горячего напитка и откинула голову назад.

Девушки помолчали. В тишине допили чай. Хозяйка не спрашивала о цели визита гостьи, а Анитси просто не могла сформулировать свою просьбу. Начала издалека.

– Я слышала, – наконец проговорила она, отставляя пустую кружку, – вас стало больше.

– От кого слышала, если всю зиму не прилетала к нам? – Элайза хитро и ласково улыбнулась.

Анитси склонила голову набок и улыбнулась в ответ, прищурив глаза:

– В городе пропало ещё несколько человек.

– И ты думаешь, они у нас?

– Конечно. Тела не были найдены, значит – они живы. А сигнал от штрихкода не поступает.

– Значит, они надели манжету, – закончила Элайза и закатала рукав кофты. Рядом с локтевым сгибом руку девушки обхватывала плотная тряпичная ткань. – Да, они с нами. И среди них Наташа Круглова, мастер по боевому искусству.

– Я знаю, кто такая Наташа Круглова. Но не с помощью её вы же собираетесь совершить переворот?

– Она может обучить наших девочек.

– Да вы же все больны и еле передвигаетесь...

– Не говори так, – Элайза встала и гордо выпрямилась, – не все, и не так уж безнадежны... Если не будем тянуть, – она закашляла. Кашляла долго, мучительно вдыхая воздух.

Анитси потирала щеки и внимательно следила за приступом кашля Элайзы. Та успокоилась. От кашля у неё выступили слёзы и, словно стыдясь их, она поспешно размазала мокрые дорожки по щекам. Выпрямляясь в кресле и всё ещё не сводя глаз с хозяйки сторожки, Анитси протянула:

– Элайза, милая, я только «за» обеими руками, если ваша мысль пробудит массы. Но расстановка сил не в вашу пользу. Люди не откажутся от клонирования, а альтернативного способа ещё никто не знает. Сегодня моя мать полетела в Асконию... В Асконию! Ты чувствуешь? Они готовы сотрудничать даже с этими обезьянами, лишь потому, что уже не знают, что делать. А что предлагаете вы? Только протест? Это не программа!

– У нас есть своя программа, – спокойно ответила на все выпады Анитси Элайза. – Только нужны деньги. А в этом мы очень сейчас ограничены.

– Сколько? – Анитси откинулась в кресле.

– Что? Ты хочешь сказать, что располагаешь свободными средствами? – Элайза рассмеялась, показывая ровные белые зубы, и с иронией посмотрела на собеседницу, которая сидела, упрямо поджав губы. – А может, ты знаешь, как достать?

– Угу, – кивнула Анитси и часто заморгала, надув щеки.

Элайза перестала смеяться и усталым взглядом выжидающе посмотрела на гостью.

– Понимаешь, Элайза, – начала та, – мне тоже очень нужны деньги. Я проиграла Бешеной Розе.

– Ты до сих пор участвуешь в гонках?

– Ага, только тренироваться мне негде. Воздушные патрули постоянно меня останавливают. Скоро решающий залёт, а я ещё совершенно сырая в плане подготовки. У меня отличная машинка, но почувствовать её как следует мне никак не удаётся. На кону крупная сумма. Я могу сорвать неплохой куш. Хватит и на институт, где я задолжала уже за два месяца, и вам на продвижение вашей программы.

Элайза хмурилась:

– Ты что-то хочешь у нас попросить?

– Да, – кивнула девушка, закусив губу. – Мне нужна магнитная манжета, которые носите вы.

– Зачем?

– Хочу вылететь за пределы города на нейтралку. И чтоб сигнал от моего штрихкода на засекали власти. Я хочу стать незаметной.

– Не боишься вызвать подозрения своим исчезновением?

– Пока я нахожусь в городе, никому и в голову не придёт следить за мной по сигналам от штрихкода, – она закатала рукав куртки и провела пальцем по чёрному, выбитому на коже треугольнику около локтевого сгиба. – Этим сейчас никто не занимается. Но стоит мне покинуть черту города, это сразу засекут.

– А как ты думаешь пролететь мимо пограничников?

– Подземные коридоры.

– Что?

– Во время войны с Асконией были вырыты подземные коридоры. Они выходили в разных точках нейтральной зоны. Там шли бои – ты помнишь.

– Я плохо знаю историю.

- Ну да! А откуда у тебя план города и сетка подземных коридоров?
- Кто тебе сказал такое? – Элайза покраснела.
Анитси только улыбнулась в ответ.
- Ну, – протянула Элайза – значит, тебе нужна манжета и план коридоров?
- Точно.
- Я хочу знать сумму, которую мы получим в случае твоего выигрыша.
Анитси довольно зажмурилась и потянулась в кресле:
- Две тысячи реалов.
- Ого! – Элайза приподняла бровь и затаила дыхание. – Хорошо, мне нравится. Будем считать, что договорились. Ещё чаю?

Глава 6. Экзамен Трофима

Учебный полигон гудел и стонал. Полсотни курсантов в этот день сдавали последний зачёт. Сейчас в воздухе находилось тридцать пять стратолётов, которые обгоняли друг друга и сбивали мишени. Учащиеся младших курсов окружили полигон и бурно обсуждали действия выпускников. Зачётная комиссия сидела за возвышающейся трибуной и наблюдала за происходящим через оптические приборы.

Наконец летательные аппараты группами стали приземляться, курсанты выходили из машин. Они снимали шлемы и, немного смущаясь, подходили к трибуне, поднимая правую ладонь вверх. Шум аплодисментов зрителей кружил голову, каждый считал себя особенным. Молодые крепкие парни, подшучивая друг над другом, стали подниматься в большой зал, где проходило вручение дипломов. Комиссия и зрители перекочевали туда же.

Трофим выделялся из толпы. Он был ниже всех остальных на полголовы. Поэтому парень шёл, словно вприпрыжку, улыбался, поднимая кверху испачканный уже чем-то нос, и говорил, не переставая, со своими спутниками. Никита шёл чуть позади и слушал разговор ребят. Он не вмешивался, просто слушал, и его серые добрые глаза светились азартом победы. Кто-то прошёл мимо Трофима, толкнув его плечом. Трофим лишь мельком взглянул на него, узнал Лайсона, чуть поморщился по привычке и продолжал свой торжественный путь.

Никита опустил ему руку на плечо и прошептал на ухо:

– Смотри, он что-то говорит Стоуну.

Трофим недовольно прищурился в сторону зав кафедрой. Действительно, Лайсон о чём-то оживлённо с ним беседовал, поглядывая в сторону Трофима.

– Да чёрт его знает, – неуверенно прошептал Трофим. – На всякого дурака внимание обращать...

Но смутные нехорошие предчувствия уже закрались ему в душу. Он стал осторожней улыбаться и чаще оглядываться по сторонам. Сквозь туман наблюдал церемонию награждения. Ему почему-то казалось, что все члены высокопоставленной комиссии заинтересованы им и поглядывают на него искоса. Это походило на лёгкое безумие, вызванное бессонными ночами и нервным переутомлением. Но всё оказалось не столь призрачным. Вскоре его позвали в отдельный кабинет.

– Трофим Родон? – высокий седой асконец с широкими, как у филина бровями, внимательно изучал монитор машины типа ИИ.

– Да, – тихо ответил парень, не сводя настороженного взгляда с заведующего кафедрой. Стоун откашлялся.

– Подойдите сюда, молодой человек, – он пригласил его присоединиться к просмотру монитора.

Трофим подошёл.

– Что это? – тихо спросил он. На экране были изображены квадратики, кружочки и пунктирная линия, которая в хаотичном порядке пересекала всю картину.

– Это ваша траектория полёта, курсант, – так же тихо ответил ему заведующий кафедрой.

– Я как-то не так летал?

– О, вы летаете превосходно. И превосходно стреляете – ни одного промаха. Все мишени поражены, кроме тех, в которые вы вообще не отправили ни одного снаряда.

– Так это же раненные!

– Это ириканцы.

– Они не представляли для меня угрозы.

– Это пока они не представляют угрозы. Это очень коварная и мстительная раса. Их нужно уничтожить полностью. У вас была миссия полного уничтожения, так?

– Так, – Трофим поджал губы и опустил голову.

– Вы ослушались приказа, курсант. Это было учебное мероприятие, а если условия были бы настоящими?

Трофим не отвечал. Он чувствовал, что если скажет хоть что-то, что думает, плакал его диплом.

– Вот что, – выдохнул Стоун, – учитывая ваши физиологические показатели и оценки по теории, мы дадим вам диплом. Но забудьте о космодроме.

Трофим вздрогнул.

– Как? – прошептал он. – Это же невозможно.

– Невозможно допустить на космодром, в оплот нашего города, лояльного к потенциальным врагам пилота. Это было бы ошибкой. Нет, я не могу этого допустить.

– Но... Куда же?

– На границу. На западные ворота. Всё. Держите ваши бумаги.

Никогда Трофим не ощущал столько горечи в своём организме. Никогда мир не казался ему таким мрачным и непонятным. Он вышел на крышу здания, где стояли тарелки-такси и сел на маленькую скамейку, подперев голову руками. Самое обидное было, что он не чувствовал себя виноватым. Он искренне не понимал, для чего нужно было добивать раненых ириканцев. А ещё он и подумать не мог, что это делали другие. И Никита так делал.

С крыши поднимались в воздух тарелки-такси, люди разлетались по домам. Трофим оставался на крыше. Губы дрожали от обиды, хотелось кого-нибудь избить. Он выискивал глазами Лайсона, но тот, видимо, не стал испытывать судьбу и ушёл другой дорогой.

Вскоре на крыше появился Никита. Он сел рядом и толкнул плечом Трофима.

– Они посылают меня на границу, – выдохнул Трофим и опустил голову ещё ниже.

– Я знаю, – ответил Никита.

Они сидели долго на крыше, не проронив больше ни слова. Пока тарелки-такси не стали на автопилоте пустые возвращаться на закреплённую за ними программой площадку. Этот день Трофим навсегда запомнил как день разрушенных иллюзий.

Во второй половине дня он уже был дома. Отца ещё не было, не мудрено, у него сегодня важное совещание. Даже эти... ириканцы прилетели. Можно заняться самим собой. Трофим залез на свой чердак, где давно уже все было оборудовано под лабораторию, и зарылся в бумагах. Он делал вычисления на бумаге, почему-то так легче было ему сосредоточиться. Скоро он забыл свой неудачный день и, прикусив язык от усердия, погрузился в мир вычислений. Сейчас уже было не важно решение комиссии, главное, чтобы стенки генератора выдерживали супер луч. Трофим энергично почесал затылок, выдохнул и быстро смял лист бумаги, одним точным, отработанным движением отправляя бумажный комок в урну. Налив себе стакан бодрящего напитка, он включил машину типа ИИ (искусственный интеллект), прищурил глаза и набрал программу для вычисления.

– Нужен совершенно другой генератор, – тихо прошептал он сам себе, – но как его совместить с общей системой? А что если?..

Пальцы забегали по клавиатуре, и Трофим превратился в продолжение вычислительной машины.

Глава 7. Встреча ириканцев в Асконии

Зал заседаний в правительственном доме постепенно заполнялся людьми. Зажглись большие лампы, которые осветили помещение полностью, включая высокие балконы и дальние диваны. Постепенно гул стал стихать, приглашённые уселись по своим местам. В центре зала остался пустовать Т-образный стол. Ждали гостей. Наконец, к ножке Т-образного стола подошел выбранный председатель собрания министр обороны, господин Якуб Вуйцик. Он откашлялся и произнёс несколько театрально, с искусственным надрывом:

– Господа, спасибо, что пришли сегодня. Прошу всех внимания, встречайте гостей нашего города: пятёрка ведущих генетиков Ирика: Алмазова, Чаплинг, Ким, Бахметова и Бескровных.

Под стройный сдержанный ритм аплодисментов в зал вошли ириканки. Они шли с ровными спинами и гордо приподнятыми подбородками, настороженно оглядывая присутствующих, словно свысока. Плавной походкой делегация подплыла к Т-образному столу и ириканки заняли верхушечную его часть. Садись по очереди. Сначала уселись крайние, затем те, что были ближе к центру, а последней опустилась в кресло Бескровных. Таким образом, всем присутствующим асконцам стало предельно ясно распределение власти в делегации ириканок.

К столу переговоров из зала вышли девять асконцев. В числе их был Игорь Родон. Он был в парадной форме, которую очень долго не надевал и которая уже давила ему в плечах. Оттого он то и дело передёргивал спиной с самым серьёзным выражением лица. Делегация асконцев рассаживалась в обратном порядке. То есть: сначала во главе стола, напротив Бескровных сел министр обороны, потом от него вдоль стола по очереди по направлению к столу ириканок все остальные. Малакаи в модном сюртучке с большим воротником красовался рядом со своим господином. Родон был не самой влиятельной фигурой в этом составе, потому оказался около гостей города.

Впервые он видел так близко ириканцев. Он старался сосредоточиться на речи министра, но голова то и дело поворачивалась в сторону странных для него людей.

Особенно его любопытство разжигал Бескровных, который сидел к нему ближе всех. Бледное лицо, чёрные волосы, собранные в высокую причёску (непонятно, как это всё держится), глаза здоровые, чёрные, внимательные. Губы слишком строгие и плотно поджаты. Правда иногда, когда ириканец ловил на себе любопытный взгляд асконца, уголки губ слегка приподнимались, и на щеках появлялись маленькие ямочки. Шея ириканца показалась Игорю Родону слишком тонкой, но странной формы грудь, которая поднималась с каждым вдохом, буквально парализовала видавшего виды бывшего майора.

Его собственное внимание к гостям немного смущало Родона, но вскоре он заметил, что и другие асконцы, сидящие напротив него преимущественно учёные-генетики, тоже с любопытством посматривали на ириканцев. А ириканцы рассматривали с таким же интересом асконцев. Исключением был Бескровных. Такое ощущение, что ничего нового он не видел перед собой и, казалось, был единственным человеком за столом, который слушал председателя.

Тем временем председатель закончил свою вступительную речь, Бескровных поднялась и стала говорить свои слова:

– Я очень рада, что вы приняли моё предложение о переговорах. Тем более что отношения между нашими городами не самые лучшие. У нас с вами общая проблема. Порознь мы можем решать её вечно, но если объединить наши усилия, решение придёт гораздо быстрее.

Она сделала паузу и огляделась. За столом и на скамьях вокруг стола люди смотрели на неё в полной тишине, не отрывая взгляда. Во-первых, ириканец задел животрепещущую тему,

во-вторых, асконцы в большинстве своём никогда не слышали от человека такого высокого и вместе с тем мягкого голоса. Ириканец завораживал и пугал одновременно.

– Двадцать лет назад, – продолжала Даяна, – была такая коалиция учёных, в которой участвовала и я, будучи ещё совсем юной девушкой. Мартин Кари, асконец, ваш гениальный учёный-генетик возглавлял работу.

При этих словах оратор посмотрела на майора, сидящего рядом, но тот не поднял глаз.

– Работа была, – продолжала она, – о нахождении альтернативного способа репродукции человека, так как клонирование не оправдывает себя и не эффективно...

Гул, поднявшийся с галерок, прервал Даяну.

– Наши предки всю жизнь так жили...

– Это аморально!..

– Что вы предлагаете?..

– Гоните этих обезьян!

– Кто их вообще сюда пустил?!

Удар в гонг прекратил крики. Даяна с улыбкой выждала тишины.

– Могу я видеть министра здравоохранения? – тем же ровным голосом продолжала она.

Министр здравоохранения, сидевший рядом с председателем, напротив Малакаи, поднялся. Это был самый молодой их делегации асконцев. Должность министра здравоохранения досталась ему по наследству.

– Ричард Донован, к вашим услугам, – с лёгким элегантным полупоклоном произнёс он.

– Ричард, вы знакомы со статистикой в вашей отрасли, которой вы занимаетесь? – спросила Бескровных.

– Конечно. Она печальна, не спору. У меня с собой некоторые данные, с позволения председателя я зачитаю некоторые цифры.

Министр обороны кивнул. Донован открыл папку.

– За последний год количество случаев удачного клонирования составило 66%, что на 10% меньше года предыдущего. Уровень смертности повысился на 15% по сравнению с ушедшим годом. Кроме того, всё чаще поступают прошения из стационарных лечебниц о... как вы думаете... увеличении площади больницы. Уровень заболеваний разного характера повысился на 43%. А если брать в отдельности душевные заболевания, то по соотношению с прошлыми годами уровень больных повысился на одну треть. Это катастрофа. И всё чаще под эту печальную категорию попадают люди от семнадцати до тридцати лет. Ещё отдельная часть моего доклада относится к суицидальным моментам. Но об этом лучше расскажет доктор социологии Урбан Краенко.

С этими словами Донован поспешно сел, а его сосед поспешил подняться.

– Я, – он стал рыться в своей папке, – я очень долго изучаю население нашего города, этим вопросом занимались мой отец и дед, и отец деда – это очень важно для нашего будущего. Тут Ричард зачитал кое-какие цифры – они ужасны. Это правильно: когда рассматриваешь проблему в цифрах, картина становится яснее. Сейчас молодые учёные всё чаще прибегают к такому решению. У меня, к сожалению, нет точных данных, – он, извиняясь, огляделся и пожал плечами, – я человек старой закалки. Но характер сегодняшнего общества мне и так понятен, и я постараюсь вам описать. Самоубийства? Да, они стали намного чаще, и, что печально, убивают себя молодые люди. Непонятно, что их толкает на это. Но кроме такого печального явления существуют такие асоциальные факты, как участвовавшие случаи насилия в тёмное время суток, образование групп с употреблением наркотиков и продвижением своей мрачной программы в виде массовых выступлений и беспорядков. Увеличиваются разводы, но это самое мирное, что происходит за последнее время.

С этими словами доктор суетливо сел, аккуратно расправляя полы своего сюртука.

– Я сокращу время наших переговоров, – продолжила Бескровных, – у нас то же самое. Даже цифры похожи. Но я и мои спутницы уверены, что есть выход из данного положения.

– И у вас есть, конечно, план, – предположил Вуйцик.

– Конечно, – кивнула Даяна высокой причёской, – это создание новой научной коалиции наших городов, – гул асконских голосов прошёл среди зрителей. Даяна повысила голос и встала. – Я, помню, двадцать лет назад уже собирались в альянс асконцы и ириканки. Помню, что взрыв в лаборатории помешал дойти до истины. Кто же теперь вспомнит, из-за чего всё произошло, – ироническая усмешка её искривила губы, – но у Мартина Кари была идея. И если бы не его гибель, кто знает, может, не было бы у нас с вами такой маленькой проблемки, как вымирание.

Даяна замолчала и с вызовом оглядела всех присутствующих, включая сидящих в зале.

– Продолжайте, господин Бескровных, – поиграв желваками, произнёс министр обороны, пряча шею в широкие плечи.

– Госпожа Бескровных, – с улыбкой поправила Даяна.

– Как угодно, – Якуб Вуйцик вернул улыбку.

– Спасибо. Я предлагаю вновь собраться силами Асконии и Ирика. В нашем городе есть всё необходимое для работы. Мы готовы принять асконских учёных, оплачивая им жильё, питание и увеселительные мероприятия. А главное, мы можем финансировать всю работу.

Министр обороны пожал плечами и взглянул на Урбана Краенко. Тот приподнялся корпусом над столом и взглянул на выступающую.

– Это очень благородно с вашей стороны, – прожевал он старыми губами. – Очень настойчиво. Дело не в том, что нам жаль финансов на лабораторные исследования, мы можем себе позволить проведение исследований на нашей территории. И даже обеспечить безопасность учёных. Ведь вы опасаетесь (и справедливо опасаетесь) повтора диверсии. Неужели вы полагаете, что раз взрыв произошёл на территории Асконии, то Ирик тут совсем не причём. Я не хочу про вас думать как о недалёковидном политике, – Краенко шумно вздохнул. – И даже не в этом дело. Что вы хотите от асконцев? Ведь идея Мартина Кари умерла вместе с ним.

– Я думаю, – произнесла Даяна, опустив взгляд на рядом сидящего майора Родона, – что об идеи Кари может знать его бывший супруг.

– Я?! – Игорь Родон вздрогнул и перестал рисовать чёртиков в сенсорной тетради. – Я ничего не знаю. Я говорил уже об этом. И до сих пор говорю, целых двадцать лет.

Даяна опустилась на стул и приблизилась корпусом тела к асконскому майору.

– Я не сомневаюсь в вашем блаженном неведении, майор, – голос её был ровный и приглушённый, так что сидящие за столом переговоров напрягали слух, чтоб быть в курсе разговора. – Но вы были всё время рядом с Кари. Могли что-то знать: куда он ездил, с кем разговаривал, на чем заострял внимание. Ваш сын – живое подтверждение, что он нашёл формулу.

– Вы совсем не знаете моего сына, – так же тихо отвечал Игорь Родон. – Вы его даже не видели. И неужели вы думаете, что я вспомню те мелочи, связанные с Мартином, которые были добрых двадцать лет назад?

Даяна улыбнулась и поиграла бровями.

– У нас есть специалисты, – нежно протянула она, – которые могут извлечь из вашего мозга всё, что угодно.

– Ну, это вы бросьте! – вмешался в диалог Якуб Вуйцик, которому с другого конца стола было очень трудно всё слышать. – Асконского солдата отдать ириканским мозгокопателям?! Вы в своём уме?! Может, просто отдать вам наш город и не тратить время?

– Не нужен нам ваш город, – подняла голову Бескровных, – нам в нашем селиться некому. Мы для этого и хотим собрать асконцев и ириканцев вместе, чтоб избежать недоразумений.

За столом началась оживлённая и беспорядочная дискуссия. Родон заметил, как хранивший молчание всё время Малакаи играл пальцами и снисходительно улыбался. Весь его облик

говорил: «И что я тут делаю? Цирк какой-то». Родон оглядывался на ириканок – они говорили быстро и эмоционально. Он почти их не понимал. Асконцы старались держать ритм дискуссии, но под эмоциональным напором гостей сбивались и нервничали. Наконец, Вуйцик, не выдержав, ударил в гонг, призывая всех к тишине.

Первыми успокоились ириканки. Они тут же выпрямились на стульях и превратились в тех гордых и величественных кошек, которыми зашли в зал заседания. «И как их можно принимать всерьёз?» – с досадой подумал Родон. Асконцы ещё тихо договаривали свои мысли, уже споря друг с другом. Когда воцарилась полная тишина, председатель откашлялся и поднялся.

– То, что вы нам предложили, не только интересно, но и заслуживает дальнейшего обсуждения. Мы должны посоветоваться в своих кругах и, взвесив все за и против, принести вам ответ.

«Как эти асконцы любят долго всё обсуждать!» – еле уловил Игорь Родон среди ириканок и невольно улыбнулся.

После некоторых длинных и утомительных речей заседание, наконец-то, закончилось. Родон пулей выскочил из зала заседания. Ни о чем серьёзном в этот момент он не думал, ничем не забивал голову – спешил в уборную. Не дойдя до заветной двери с символическим знаком, Родон остановился. Послышалось, что кто-то окликнул его. Он обернулся, морщась от досады. К нему спешила Бескровных, на ходу поправляя нелепую причёску.

– Можно вас на минуту? – она остановилась перед ним и ласково посмотрела прямо в лицо.

Скулы майора вытянулись, но он нашёл в себе силы склонить голову в почтении.

– Вы, верно, подумали плохо, когда я предложила заглянуть в ваше подсознание. Моя вина. Не умею правильно преподнести мысль, – она нервно мяла пальцы рук. – Просто в данной ситуации у нас нет другого выхода. Вы – единственная надежда...

– Вы же тоже были там, – перебил её Игорь. – Почему бы вам не покопаться в вашей голове. Может, вы даже формулу видели случайно...

Взглянул в лицо ириканки, Родон замолчал. По её глазам он почему-то понял, что в её голове уже давно копались.

– Ну... – протянул он, – это ведь не мне решать. Всё зависит от Вуйцика.

– Вы так сильно от него зависите?

Тут майору показалось, что его вербуют и настраивают против своего начальства. Подкатила дурнота к горлу и перед глазами четко стал вырисовываться трибунал, публичный позор и тюремное заключение. Ничего не отвечая ириканке, он обернулся и пошёл прочь.

– Не будьте так глупы и трусливы, Родон! – бросила ему в спину Бескровных. Но он только прибавил шаг, словно пытаясь спастись от искушений.

Глава 8. Чаепитие на краю Асконии

Окраину свою асконцы не любили. Зато по вкусу она пришлась ириканкам, которые, пользуясь гостеприимством соседей, попросились поселиться на время переговоров где-нибудь в тиши. Апрельское утро выдалось потрясающим. Хотелось дышать всей грудью, проносясь сквозь себя весенний, наполненный свежестью и надеждами воздух, хотелось двигаться, несмотря на ранний час, и двигаться быстро. Птицы проснулись давно и скакали по мокрым веткам с набухающими почками. Они почти запрыгивали с бешеным чириканьем в полуоткрытое окно двухэтажного старого домика, стоящего на самом краю Асконии.

Здесь редко летали стратолёты, а если и прилетали, то по делу и крайне важному. Поэтому Даяне Бескровных гул стратолёта, сквозь утреннюю дремоту и пение птиц, показался именно чем-то важным. Она раскрыла глаза и потянулась. Лучи солнца играли на её лице, влажный воздух щекотал ноздри. Она лениво приподнялась на кровати и, шурясь со сна, пыталась выглянуть в окно. Взлохмаченные волосы мешали обзору. Ириканке пришлось приподнять корпус тела на локте, чтоб заметить в небе лёгкий синеватый след от пролетевшего стратолёта. Но утренняя вялость взяла верх, и она со вздохом облегчения вновь опустилась на постель. Но уже не спалось. Теперь ей стали слышаться голоса асконцев. Не тревога, а скорее любопытство заставило Даяну подняться окончательно. В неясном разговоре асконцев не чувствовалось ни угрозы, ни осторожности. Такое было ощущение, что они просто прогуливались рядом. Но рядом не было жилых кварталов. Бескровных накинула поверх пижамы длинный тёмно-синий плащ, спустилась по лестнице и вышла на крыльцо.

Крыльцо было во всю несущую стену здания с двумя когда-то белыми колоннами и бетонными резными перилами со старой побелкой. Даяна, кутаясь поглубже в плащ, облокотилась о перила, позволяя нечёсаным чёрным прядям падать прямо на лицо. Она шурилась сквозь голые кусты шиповника в ту сторону, откуда, как ей казалось, доносились голоса. Голоса притихли, но тут же справа послышался шорох шагов – к крыльцу двухэтажного дома, где остановились ириканки, вышел молодой асконец. Боковым зрением заметив стоящую у перил Даяну, асконец остановился и повернулся всем корпусом к ней, замерев в таком положении на мгновение. Между ними было шагов пять, и Даяна хорошо его разглядела.

Молодой асконец был невысок, но неплохо сложен, несмотря на свою худощавость, которую он пытался скрыть мешковатой одеждой. Лицо не самое красивое, но выразительное и запоминающееся. Пожалуй, слишком крупные черты лица, большой рот и смешно оттопыренные уши. Как генетик Бескровных неосознанно отметила про себя, что над генами этого мальчика работали очень и очень мало. Но глаза, большие, тёмно-карие и бездонные, казавшиеся ещё глубже из-за темных кругов, как от бессонной ночи, смотрели на ириканку с нескрываемым любопытством и, как казалось Даяне, с каким-то восхищением. Оттого весь образ ириканского мальчика был ярким и интересным.

Бескровных невольно улыбнулась ему и улыбнулась ещё шире, когда тот ответил ей совершенно искренней и открытой улыбкой.

– Привет! – асконец поднял раскрытую ладонь вверх.

– Здравствуй! – Даяна тоже подала знак приветствия. – Что ты делаешь тут, так далеко от жилых кварталов?

– А вы ириканец? – игнорируя вопрос, спросил гость и смущённо заулыбался.

– Ириканка, – Бескровная щёлкнула языком.

– Да, точно. Я слышал от отца, что вы называете себя почему-то в женском роде. Смешно.

– Да, пожалуй, – не стала спорить Даяна, пытаясь перестать улыбаться.

Видя такое дружелюбие, любопытный асконец стал осторожно подходить ближе. Даяна выжидала.

– Вы... извините, – протянул гость. – Я просто никогда раньше не видел ириканцев... ириканок. Я не хотел вас беспокоить.

– Поэтому хотел зайти в дом?

– Нет... Да. Я хотел поговорить с охранником Михаэлем. Он бы рассказал о вас много интересного. Не надеялся вас даже увидеть.

– Ты очень любопытный юный асконец.

– А вы очень красивы.

– Правда? – Даяна искренне удивилась. – Ты считаешь меня красивой?

Асконец кивнул. Никогда Даяна не чувствовала себя такой смущённой и растроганной. Асконцы не считали ириканок красивыми, а ириканки морщились от одного вида асконцев.

– Как тебя зовут, милый мальчик? – Даяна незаметно для себя поправила прядь волос.

– Трофим. Трофим Родон.

Некоторое время Даяна просто молчала и смотрела на Трофима. А тот с беспокойством наблюдал, как улыбка сползает с красивого лица ириканца. Он занервничал. Много говорили о вспыльчивости этой расы. А вдруг сейчас он достанет борот и продырявит в нем дыру?

– Родон? Трофим Родон? Сын майора Игоря Родона? – Даяна подавила в себе эмоции удивления и радости, чтоб не спугнуть окончательно асконца, и сделала несколько шагов ему навстречу.

– Да, я его сын. Вы познакомились с ним вчера на заседании?

– Точно. Так и есть. Ну что же ты стоишь у порога. Давай чаю попьём, поболтаем. Я тебя познакомлю с другими ириканками.

Она приобняла парня за плечи и почти протолкнула его в дверной проём.

– Привет, Михаэль! – успел кинуть через плечо Трофим обалдевшему охраннику-асконцу, когда Бескровных тащила его в столовую.

– Привет! – крикнул вслед ему Михаэль, когда дверь в столовую уже закрылась, и почесал затылок.

В столовой было светло и сухо. Посередине комнаты стоял длинный стол, но скатерть была накрыта только на треть. Как раз то количество стола, которое занимали ириканки. Бескровных усадила Трофима за накрытую часть стола и засуетилась у барной стойки.

– Чай с травами, со стиком? Тебе можно уже пить стик?

– Можно, – пробурчал Трофим. Этот вопрос часто задавали ему в питейных заведениях. – Но я буду просто чай... Со сладким.

Ириканка грациозно поднесла поднос с приборами к столу и ловко расставила чашки. Наливая чай, она то и дело кидала взгляд на гостя, словно ещё раз убеждаясь, что перед ней тот, кто ей нужен.

– А ты точно Трофим Родон?

– Точно. Я не похож на своего отца, потому что...

– Я знаю, просто Трофиму должно быть сейчас двадцать лет.

– Мне двадцать, – холодно отрезал молодой асконец.

– Ах да, ну конечно, – мягко согласилась Даяна и бесшумно уселась за стол. Она осторожно отпила горячей жидкости и почти с ужасом наблюдала, как Трофим заглатывал целиком пирожное и весело молотил челюстями.

– А откуда вы знаете про меня? – пробубнил он с набитым ртом.

– Я знала Мартина Кари.

– А. Я тоже про него много слышал. Это он составлял формулу моих генов из генотипа отца. Хреново получилось.

– Не нам судить Мартина Кари. Я, конечно, слабо разбираюсь в асконцах, но, говорят, что тебя берут на космодром.

– Уже не берут.

– Что такое?

– Долгая история, – он с достоинством отхлебнул полчашки чаю. – Но всё из-за вас – ириканцев.

Бескровных притворно нахмурилась:

– У асконца всегда ириканка виновата.

Трофим сделал благородный всепрощающий жест рукой и откашлялся.

– Не будем об этом, – сказал он и сквозь смущение пытался сделать серьёзное выражение лица. – А вы, значит, тот самый ириканец, который единственный спасся во время взрыва в лаборатории.

Даяна грустно улыбнулась и отодвинула от себя чашку.

– Да, – произнесла она медленно, – я «тот самый ириканец». Я была в то время в инкубаторе. Пробринки выставяла... с новым поколением. Когда произошёл взрыв, мне пришлось бежать. А вторая волна уничтожила все зародыши в инкубаторе.

– Это очень грустно. Но почему вас я интересую?

– Твой отец был супругом Мартину Кари и клонировался как раз в то время, когда уже научная коалиция работала над формулой Кари.

– И что? – Трофим пытался выглядеть равнодушным, но у него плохо получалось. Всё его лицо вытянулось, губы стали тонкими.

– У меня есть все подозрения, – Даяна виновато вздохнула, – что ты сотворён по той же формуле.

Трофим некоторое время молчал. Потом вскинул голову и усмехнулся:

– Мне, честно говоря, всё равно, по какой формуле я сотворён. Мы все здесь сотворены по какой-то формуле или без формулы – просто тупое клонирование. Я знаю несколько семей, которые никогда не меняют свой генотип. Из поколения в поколение одни и те же рожи, только в разном возрасте. Завидная стабильность. У нас везде так. Хочешь щенка? – Давай! – А какого? – А с чёрным ушком и рыжим хвостиком. – Сделаем! Хочешь ребёнка? – Ага! – А какого? – Да такого же, как я, только чтоб уши не оттопыривались. – Сделаем! И ничего неожиданного, ничего нового. Только вот почему мне уши не сделали поплотнее, вот этого я понять не могу. Вот с этим мне трудно смириться.

– Спаси, Вселенная, мальчик! Откуда у тебя такие мысли? – Даяна с открытым ртом слушая излияния Трофима. Тот смутился и стал допивать из пустой чашки чай.

– Может, это из-за формулы, – криво усмехнулся он.

– А знаешь что? – ириканка ласково улыбнулась. – У меня тоже немного оттопыренные уши.

Она двумя руками убрала назад длинные чёрные волосы и открыла чуть оттопыренные ушки в янтарных серёжках. Трофим заулыбался.

– Вам идёт. Нет, правда – идёт. А что, эта формула, она?..

– Она единственный шанс наших рас на выживание.

– Так уж и единственный?

Бескровных пожала плечами. Трофим тяжело вздохнул и встал.

– Вам нужен мой ДНК? – решительно спросил он.

– Нет. Это ничего не даст, – Даяна закусил губу. – Нам нужен твой отец. Но ваше правительство не позволит ему сотрудничать с нами. Мы только зря время теряем здесь. Может, тебе удастся докопаться до истины когда-нибудь. Только на это и надеюсь.

– Я, – Трофим испугался, – я один ничего не смогу. С чего начать поиски?

– Ищи истину. Лишь рука об руку с ней обретёшь себя.

Трофим только открыл рот, чтоб поподробней узнать об этой самой истине, но в столовую уже вошли другие ириканки. Они с шумом встретили молодого асконца, разглядывая его и постоянно подшучивая. Трофим и знать не мог, что ириканцы такие шумные. Они болтали без умолку. Ещё раз напоили его чаем, обкормили пирожными, даже дали с собой, всей толпой проводили до крыльца. Распрощавшись с Трофимом, они принялись подшучивать над Михаэлем. Тот, по-видимому, уже успел привыкнуть к ним, потому как принимал всё безропотно и равнодушно.

Глава 9. Друзья

Трофим в гостинцами в руках отошёл от двухэтажного дома. Он обернулся. Все ириканки уже зашли в дом, на крыльце стояла только Даяна Бескровных. Увидев обернувшегося Трофима, она помахала ему рукой. Трофим помахал в ответ, вытягивая руку высоко над головой. Солнце пригревало и играло на лице молодого асконца. Трофим шурился и счастливый, сам не зная отчего, шагал по мокрой земле, с пробивающейся молодыми побегами травой. Дороги здесь не было. Его ботинки утопали в грязи, но он шагал, не замечая неудобств.

– Где тебя носит так долго?! – донеслось из-за куста сирени. Под голыми апрельскими ветками сирени на белой скамье сидел Джонни, возлюбленный Никиты. Сам Никита спал рядом, положив голову на спинку скамьи.

– Чай пил, – просто ответил Трофим и подошёл к друзьям.

– Чай он пил, – проворчал Джонни. – С каких это пор Михаэль умеет заваривать чай?

Трофим приподнял брови и высыпал пирожные на колени Джонни.

– Меня ириканцы угощали, – ответил он. – А чай у них отменный.

– Рассказывай, – Джонни недоверчиво посмотрел на Трофима из-под бровей и надкусил пирожное.

Трофим сел рядом со спящим Никитой и локтём толкнул его в бок. Тот моментально проснулся и завертел головой.

– А, Трофим, – промямлил он со сна. – Почему так долго? Мы волновались.

– Так волновались, что ты уснул? – развеселился Трофим.

– Ты просто очень долго, а я встал рано, – оправдывался Никита, выпрямляясь на скамье.

– Я вообще не спал, – парировал Трофим.

– Ну, ты это скажи спасибо своим тараканам в голове, что ты не спал.

– Они что, – хмыкнул Джонни, – у тебя там опять устроили научный спор на всю ночь?

Трофим больно дёрнул его за длинный локон волос, выкрашенный в зеленоватый цвет, и получил удовольствие от того, как Джонни пискнул и стал жаловаться Никите.

– Прекратите, – Никита всё ещё тер глаза. – Трофим, не будь ребёнком! Что тебе рассказал Михаэль об ириканцах?

– Троша говорит, что чай пил с этими самыми ириканцами, – вмешался Джонни.

– Да ну! – Никита окончательно проснулся. – Ну, как они? Ты их вблизи видел?

– Конечно, – закатил глаза Джонни, – он с ними чай пил.

Трофим счастливо кивнул и рассказал подробности встречи с Даяной Бескровных, большинство своих слов заменяя жестами. С каждым его словом Джонни хмурился, на его полудетском лице играли тени сомнений и противоречивых чувств. Он даже сполз со скамьи и присел на корточки напротив Трофима, чтоб лучше видеть его лицо.

– Короче, – произнёс он как всегда игривым голосом, – они тебе понравились.

Трофим помолчал некоторое время, потом решительно кивнул.

– Понимаешь, – протянул он, – теперь я в себе уверен. Уверен, что правильно поступил, когда не стал стрелять в раненных ириканцев на учебном полигоне. Они не такие звери, как нам их описывают. Они... такие же, как мы.

Никита недоверчиво хмыкнул и качнул головой.

– Да, Ник, – Трофим оживлённо повернулся к нему, – во время войны они были нашими врагами, но война давно уже закончилась. После драки кулаками не машут. И когда враг раненый, он не опасен – тоже не стоит зря тратить энергию.

– Только не говори о своих размышлениях Стоуну, – Никита скрестил руки на груди и выразительно посмотрел на друга, – а то и с границы тебя погонят. Вообще попрут из флота.

– Я вот что не понял, Трошик, – прищурился Джонни, яростно грызя сухую веточку, – а чего тебе было и не выстрелить в раненых ириканцев. Это же были муляжи.

Трофим побагровел.

– Нет, Ник, – зло произнёс он, глядя на Джонни, – правда, иногда мне хочется его пнуть.

– Ты очень злой, Троша, – Джонни на всякий случай встал. – Витаминов в организме не хватает.

– Прекратите оба, – устало отозвался Никита, – а то я вас обоих распинаю в разные стороны.

– Ник, – Трофим чуть подпрыгнул на месте, – зачем ты его приволок с собой? Я же просил, только без Джонни!

– От того, – Джонни прищурился, – что как вы вместе, так накачиваетесь стиком в каком-нибудь злачном месте. И это не зависит от того, какой была цель первоначально.

– Ну, не преувеличивай, – мягко протянул Никита.

Джонни внимательно посмотрел на него и ничего не сказал, только отошёл в сторону и стал наблюдать игру воробьёв на ветках куста. Трофим вздохнул. Порой он сам не понимал, отчего его так бесил Джонни.

Джонни был юным и нагловатым молодым человеком. Ему было только семнадцать, но уверенности в себе хоть отбавляй. Наверное, это объяснялось его гениальностью. Пока гениальность Джонни никак не проявлялась, но все знали, что он гений. Потому что весь род его состоял из гениев: гений философии, литературы, кино, химии, кулинарного искусства и прочее, и прочее. Каким гением станет, Джонни ещё не решил, но в основном участь его была предрешена. Причём в сторону всеобщего восхищения, и, надо признать, это сильно действует на самооценку. Если бы Трофим знал заранее, что будет знаменит, был бы немного спокойней. Но, к сожалению, в последнее время он совершенно запутался в себе и в дальнейшей своей судьбе... впрочем, как и в своём прошлом.

Глава 10. Сны и мифы

– Эй, Джо! – позвал Трофим.

Джонни слегка повернул голову и посмотрел на него через плечо. Даже с этого ракурса Трофиму было видно, как надулись его губы.

– Джонни, брось! – он понял, что повёл себя отвратительно. – Ты никогда не был обидчивым. С чего это вдруг тебе понадобилось дуться?

– Надоел ты мне, – тихо и спокойно сказал Джонни и медленно пошёл по направлению к стратолёту, на котором асконцы прилетели на окраину.

– Пошли, – Никита толкнул Трофима в бок.

Они встали и, выдерживая дистанцию в три шага, держались строго за Джонни. Тот не оглядывался. Похоже, ему было неинтересно, идут за ним остальные или нет. И, похоже, ему было всё равно, что он мог один улететь на единственной «тарелке-такси», находившейся на окраине города. Это прекрасно понимали Никита и Трофим, поэтому старались не отставать. Но и не забегали вперёд – от обиженного Джонни можно было ожидать всего, что угодно.

Никита шёл как нашкодивший школьник, понуро опустив плечи и спрятав руки в карман куртки. Трофим вертел головой, насвистывал какую-то песенку, держал руки в карманах широких штанов, отчего они казались ещё шире, и делал безразличный вид. Ему было стыдно, но чем больше его мучили угрызения совести, тем более развязным он становился.

– Джонни! – позвал он с присвистом. – Забыл спросить тебя, как твоя дипломная работа? Говорят, ты специализируешься на мифологии?

Джонни промолчал.

– Да, на мифологии, – ответил за него Никита.

– Отличная тема, – Трофим продолжал общаться с Джонни. – Я мифы нашего города люблю. А какой конкретно миф, Джонни?

Джонни опять проигнорировал вопрос.

– Пещера познаний, – опять за него ответил Никита.

– «Пещера познаний»? – Трофим закивал с видом знатока, но потом нахмурился. – Что за чертовщина? Я такого не знаю.

– Вот что! – Джонни остановился и резко развернулся. На лице его не было и следа обиды. Он напряжённо думал. – А как эти воробы, что здесь летают – размножаются?

– Ах, вот о чём он всю дорогу думал, – выдохнул Трофим.

– Джонни, – ласково посмотрел на него Никита, – есть отдел в генетическом центре, который занимается фауной города.

– Даже на периферии, где никто не живёт?

Никита кивнул. Джонни задумчиво кивнул ему в ответ и пошёл дальше.

– Так что это за пещера познаний? – не унимался Трофим.

– Долго рассказывать, – отмахнулся Джонни. – Полетели уже домой.

На площадке, покрытой старым разбитым асфальтом, стояла кругленькая «тарелка-такси» бледно-зелёного цвета. Тарелкой её прозвали за форму, которая напоминала очертаниями одноимённую кухонную утварь, вверх дном положенную на другую. Это были муниципальные стратолёты, работающие как на ручном управлении, так и на автопилоте, благодаря заданной программе полёта: скорости, траектории и пункта назначения. Иногда пассажиры, не обременённые знаниями в управлении воздушного транспорта, довольствовались только кнопкой «пункт назначения». Остальное программа выставляла по умолчанию.

«Тарелка» была четырёхместная. Трофим плюхнулся на задние сидения и почти сразу же уснул. Ему снились ириканки, которые не прекращали смеяться. Среди них появился отец

во всём парадном, очень строгий – он молчал весь сон. Снился Джонни с воробьями на плечах. Он с ними разговаривал, и они ему отвечали. «Нет, ну как вы размножаетесь?» «Разве ты не знаешь? – чирикали они ему в ответ, – генетический центр по формированию фауны». Появился генетик из центра формирования фауны, почему-то с лицом инструктора Волкова. «Ищи истину, – говорило лицо, – лишь рука об руку с ней обретёшь себя». А Джонни всё продолжал разговаривать с воробьями. К этому времени они уже свили гнездо у него на голове. «Джонни! – пищали они, – отведи нас в пещеру познаний. Пещера познаний... Пещера...»

– Трох, Трох, проснись!

Трофим открыл глаза. Над ним с переднего сиденья нагнулся Джонни, воробьёв на голове у него не было. Трофим лениво улыбнулся.

– Мне такой сон сейчас снился.

– Да, – отозвался Никита, не отрывая взгляда от мониторов, – мы слышали. Ты просил отвести тебя в пещеру познаний.

– Трош, – подмигнул ему Джонни, – ты поспи ещё. Может, она тебе приснится, и мы узнаем, где она находится.

Трофим кивнул и с удовольствием закрыл глаза.

Погостив немного на окраине Асконии, ириканки ни с чем покинули город. Асконское правительство так и не дало разрешения на сотрудничество. За майором Родоном установили слежку.

Глава 11. Тайны нейтральной территории

В один из майских дней, когда солнце отчаянно обогревало материк, юный пилот решил покинуть приграничную зону и осмотреться на нейтральной территории. Когда же другие пограничники узнали об этой безумной затее Трофима, откровенно крутили пальцем у виска. Но Трофиму было очень уж интересно, что там за горами. Он даже пообещал коллегам привезти снимки. С этим обещанием он и покинул базу.

Мягкое кресло «Робиля 112» со всех сторон обволакивало тело пилота. Трофим взял среднюю скорость и плавно повёл машину к скалистой местности. Его стратолёт мог набирать высоту намного выше, чем «тарелки-такси», и это его безумно радовало. Конечно, кое-что он уже решил переделать в двигателе: поставить новый генератор, заправить другое сырьё, которое при распаде выделяло бы больше энергии, но с гиперлучом ещё были проблемы.

Трофим набрал максимальную высоту.

С такой высоты он мог оглядеть свой город, пусть не весь, но большую его часть. Какие-то места были освещены солнцем, какие-то спрятаны под тенью облаков, но всё вместе было просто здорово. Это необычное сочетание света и тени напоминало ему о приходящем и уходящем. И это его почему-то сегодня не раздражало. Наоборот, всё казалось гармоничным.

Он недолго восхищался видом родного города сверху. Вскоре «Робиль 112» увез его подальше от городской стены, и перед глазами пилота теперь простиралась молчаливая мрачная скалистая местность, давно забытая людьми и частично животным миром. Лучи солнца скользили по склонам изуродованной поверхности, словно играя с ней.

Он сбавил высоту и скорость, попутно ища удобный камень для посадки. Наконец его поиски увенчались успехом, и «Робиль 112» из флота Асконии впервые за много-много лет произвёл посадку на нейтральной территории. Выключились двигатели. Трофим вышел.

Невероятное ощущение. Словно воздуха больше. Человек стоял у своей машины и полной грудью дышал. Он не мог поверить, что в этой безжизненной местности такое количество кислорода. Да и не такое оно было безжизненное. Оказывается, что в щелях, между камней росла мелкая травка с множеством кишашей на ней жизни. А в местах, где камней было меньше, пробивались мелкие кустарники, уже зацветающие красноватыми цветками. Трофим спрыгнул с камня, который служил посадочной полосой, и стал пробираться по булыжникам, осматриваясь вокруг и делая снимки, как обещал.

Не всё кругом были камни, как казалось сверху. Всё смотрелось по-другому, стоило спуститься ниже. Может быть, здешняя земля и таила внутри себя опасность, но только не сегодня. Сегодня эта горная долина являла собой гармонию и спокойствие вселенной. Тепло. Солнце припекало, а от камней поднимался лёгкий пар: накануне был дождь.

Крепкие, с пропиткой, подошвы ботинок пилота надёжно цеплялись за камни и удерживали равновесие. Трофим думал о детстве. Почему-то хотелось думать только о хорошем. Он флегматично разглядывал небольшие камни величиной с ладонь, некоторые отложил в полевую сумку для дальнейшего анализа у себя на чердаке и вспоминал самые безмятежные дни своей жизни. Наверное, жаркое солнце и прохладный ветер всегда навевают светлую ностальгию.

В небе промелькнул стратолёт. Промелькнул быстро, с чужим шумом. Трофим достал оптический прибор и приложил его к глазам. Это был маленький стратолёт с рыжей молнией на боку и цифрами «7575-КА». И к тому же стратолёт не принадлежал к пограничному флоту Ирика. Те были просто серые с лиловым отливом. А этот, скорее всего, был в частном владении какого-нибудь богатого ириканца. В Асконии тоже были люди, имеющие собственные

стратолёты, но никто не тешил себя мыслью полетать за пределами города. Даже интересно, воздухом он что ли здесь дышит?

Трофим притаился за большим камнем, с досадой отмечая, что его «Робиль», скорей всего, уже замечен. Но он все же продолжал наблюдать за ириканцем. «Рыжая молния» пролетела над скалами, не делая попытки сесть. Стратолёт в нерешительности ещё покружил, а потом скрылся в направлении Ирика.

Чёрт, Трофим выдал себя с головой. Конечно, странный пилот не хотел быть обнаруженным и предпочёл своим делам, какие бы они ни были у него здесь, разумное бегство. С непонятным чувством досады Трофим вернулся на базу.

Он решил не рассказывать о своей встрече начальству. Во всяком случае, ириканцы имели право находиться на нейтральной территории. И потом, стратолёт был не военный. Просто какой-то чудик прогуливается там, куда любой нормальный человек и не сунется. Из своих размышлений Трофим сделал неутешительный вывод, что он тоже является подобным чудиком, раз уж также оказался там, да ещё по своей воле. Но вспомнив то ощущение спокойствия, которое его посетило на этом «страшном» месте, юноша предположил, что тот далёкий ему человек, возможно, так же глубоко одинок, как и он. Трофим усмехнулся и отогнал от себя эту ненужную меланхолическую мысль.

На следующий и в другие дни Трофим не раз возвращался на то самое место, где впервые встретил «Рыжую молнию». Он позаботился о маскировке своего «Робиля» и о мощном оптическом приборе, который позволял бы вести наблюдение с безопасного расстояния. Сам пилот-пограничник прятался в колючем кустарнике.

Ничего особенного он, конечно, не узнал, поскольку не решался подойти поближе, но наблюдение ему нравилось. Ириканец прилетал почти каждый день ближе к закату. Всегда с северо-восточной стороны и всегда залетал за скалу, похожую на большой пенёк. О дальнейшем его путешествии Трофим не знал. Затем ириканский стратолёт вновь показывался из-за скалы и летел в обратном направлении. Пролетал на большой скорости, опасно огибая препятствия, и вновь поворачивал назад, повторяя манёвры. Трофима веселили полёты ириканца. Складывалось ощущение, что пилоту доставляет удовольствие сам процесс полёта на предельной скорости. И нравилось до такой степени, что прилетал сюда почти каждый день. Трофим понимал, что в черте города так не погоняешь.

Но его интересовало, как гражданский стратолёт мог так часто и свободно покидать стены города. К примеру, асконцам пропуск за городские ворота давался не часто и не просто. Пусть даже этот ириканец и пользовался какими-либо привилегиями, но не до такой же степени! Скорее всего, он это делал тайком. Выбрал удобное время, удобное место, каким-то образом сбил свой личный код, который, как знал Трофим, у ириканцев располагался так же как и у асконцев – у локтя. Это было почти фантастически, и никому никогда не удавалось, но, если такое допустить, то можно объяснить, почему ириканец так свободно находится за пределами города. И Трофиму до чёртиков хотелось знать – как? Но он не торопился. Он был уверен, что, в конце концов, сможет даже поймать этого странного типа.

Лёжа на камне, под скудной тенью от ветвей тощего кустарника Трофим ждал «своего» ириканца к определённое времени, которое он уже вычислил. И когда тот появлялся на горизонте, юноша улыбался: есть стабильность в этом мире. У него было много вопросов, которые он хотел бы задать жизни. Помогут ли его опыты по замене источника энергии в генераторе стратолёта подняться человеку за пределы стратосферы? Почему он не похож на отца? Но вопрос – что это за «Рыжая молния» и кто пилот – полностью овладел его мыслями. После встречи с ириканцами молодого асконца стала сильно интересовать эта раса. Перестал существовать привычный и надоевший мир – только вот этот странный стратолёт. И у Трофима возникла идея, как познакомиться с пилотом. Желание познакомиться возникло раньше.

Ириканцу нравилось гонять на предельной скорости. А знает ли он предел своей машины? Возможно, Трофим может чем-то помочь... в обмен на услугу. Ну, вот, он уже планирует сделку с потенциальным врагом города. Что скажет на это начальство? Да ничего не скажет... если не узнает.

Глава 12. Научные труды Трофима

Три ночи почти не спал Трофим. Ложился далеко за полночь. Не выходил на связь с друзьями, почти не общался с отцом. Каждый вечер, приходя с дежурства, он закрывался в своей маленькой лаборатории и «доводил до ума» супер двигатель, который мог работать с наибольшей отдачей.

На нейтральной территории, куда он вылетал во время патруля границы, Трофим обнаружил большое количество соединения на основе диоксида кремния, из которого преобразовывал чистый кремний и заполнял им отсеки для сырья двигателя.

Опытными путями Трофим всё же создал пучок волн. Проблемой оставался материал, из которого должен был быть сделан генератор, чтоб его кристаллическая решётка не поддавалась распаду. Единственным решением было пустить по металлу ток, сделать стенки генератора проводником электрического тока, который в свою очередь порождал магнитное поле внутри генератора.

При активации пучка волн магнитное поле образовывалось в направленные волны, которые соединялись с надультразвуковыми волнами и лучом солнечного света, пропущенного через ряд последовательных линз. Такое соединение волн расщепляло атомы кремния и, благодаря переменному току в стенках генератора, не повреждало его.

Дело оставалось за малым. Придать громоздкой конструкции компактность и сделать хороший дизайн. Вот над этим Трофим поломал голову всерьёз. Когда всё же двигатель был готов на третью ночь напряжённой работы, Трофим открыл чердачное окошко и долго–долго смотрел на звёзды. Он уже мечтал, что скоро может покинуть эту планету, которая не принимала его настоящего, полететь к неизведанным мирам, встретиться с пришельцами, которые столько лет уже маячат над городом. Трофим довольно улыбался такой встрече. Вот они, наверно, удивятся!.. Может, даже сразу убьют... От этой мысли Трофиму взгрустнулось, он захлопнул окно и лёг спать. У него в запасе было ещё три часа до дежурства, можно ещё выспаться.

Глава 13. Охота за ириканцем

Трофим перевернулся на живот и, мечтательно жуя травинку, глядел в небо. Скоро появился стратолёт ириканца. Наблюдатель поспешно сел и сгруппировался как перед прыжком. Собирая мелкие камушки под ногами, он вскочил с места и затаился за большим камнем. Стратолёт ириканца пролетел за небольшую сопку. Трофим выглянул из-за укрытия и решил, что вполне может подойти поближе. Осторожно пробираясь между камнями, он подкрадывался к месту посадки «Рыжей молнии».

Как он и думал, «Рыжая молния» совершила посадку. Наконец-то, а то летал всё как ужаленный. Вот теперь ему видно всё до мелочей. Трофим замер. Ничего не подозревающий ириканец открыл двери стратолёта и вышел...

Грудью облокотившись о камень, Трофим думал, что его сердце разобьётся об этот самый кусочек скалы, отбивая бешеный ритм. Он осторожно, не делая резких движений, достал оптический прибор и приложил его к глазам.

Ириканец шёл, не спеша, плавной походкой от бедра. Он, по-видимому, тоже наслаждался здешним климатом и всей грудью вдыхал насыщенный кислородом воздух. На нём был почти такой же защитный костюм, только более свободного покроя. Все движения его были лёгкими, почти ленивыми, он потягивался и разминал косточки. Таким же неторопливым движением он снял шлем и на волю вырвались пышные ярко-рыжие волосы, которые он тут же встряхнул свободной рукой, зачем-то собрал их в кулак, а потом вновь отпустил. Наверное, ему так нравилось. Трофим улыбнулся. Он увеличил зум оптического прибора. Ириканец шёл медленно, и это позволяло наблюдателю разглядеть его лучше. Узкие плечи, широкие бедра, странная грудь – всё как у его новых знакомых ириканок, которые поили его чаем, только всё же по-другому. Они похожи, но разные. Лица Трофим пока не видел. Но он не спешил объявлять себя. Уж очень хотелось сначала узнать, что этот тип дальше делать будет. Наконец ириканец вспомнил о цели своего прибытия.

Подойдя к большому камню, покрытому бурым мхом, он достал из кармана что-то мелкое и серебристое, сделал им взмах, и камень отвалился в сторону, обнаруживая за собой вход в пещеру. Такой же ленивой походкой он зашёл внутрь, а камень закатился на место.

– Вот так-так, – Трофим даже присвистнул. – Становится всё интересней и интересней. Не это ли «Пещера познаний»? Что-то слишком уж просто получается. Допустим, я оглушу этого недотёпу при выходе, заберу у него серебристую штуковину, и вот вам ответы на все вопросы.

Он вылез из своего укрытия и подбежал к камню со мхом. Стал ждать. Но ждать пришлось ему долго. И за время своего ожидания планы несколько сменились гуманным разрешением вопроса. И когда, наконец-то, камень стал откатываться в сторону, он присел и накинулся на выходящего ириканца, обхватывая его сзади, на всякий случай зажимая рот рукой.

Ириканец забился у него в руках. Он извивался как уж, работал локтями и ногами, чтобы нанести удар противнику. Трофиму пришлось на себе испытать легендарную ловкость и быструю реакцию потенциального врага своего города. Но у него была самая лучшая среди асконцев реакция, кроме того, мышечная сила действительно превышала ириканскую.

– Перестань трепыхаться, – прошептал Трофим, осторожно поглядывая на открытую пещеру, – иначе я сверну тебе шею.

То ли от вероятности поплатиться шеей, то ли просто устав, ириканец замер в руках Трофима, но не расслабился. Всё его тело превратилось в камень мышц, которые чуть ли не дрожали от напряжения. Трофим буквально ощущал его страх... страх и осторожность. Он

даже слегка проникся невольным состраданием к своему пленнику. Он был намного уже его и почти на голову ниже. И вообще, какое-то нелепое создание, не способное к рукопашному бою.

– Я отпущу тебя, слышишь? – Трофим потихоньку ослаблял хватку. – Только обещай вести себя благоразумно. Я не причиню тебе вреда. У меня просто пара вопросов к тебе и одно очень выгодное предложение. Итак, я тебя отпускаю, а ты отдаёшь мне этот пульт и отходишь на два метра в сторону. Усёк?

Ириконец кивнул. Заручившись обещанием пленника, человека, которого он впервые видит, Трофим отпустил его. Отпустил и тут же вспомнил о втором помимо ловкости отличительном качестве потенциального врага – о коварстве. Ириконец и не думал держать слово. Первое, что он не сделал, это не отдал пульт. Он сломал его. Сломал, резко бросив на серый камень. В это же время валун, служивший дверью в пещеру, закрыл собой вход в неё. Трофим не успел опомниться (всё-таки реакция ириканца была дьявольской), как на него уже смотрело дуло оружия нейропаралитического действия.

– Стой! – голос ириканца оказался высоким, как и у его соплеменников. – Не смей шелохнуться, только медленно, очень медленно вытащи своё оружие и брось мне в ноги.

Трофим замер. На него смотрела пара зелёных глаз, которые словно жгли огнём от ненависти и страха. Он почти ничего не видел, кроме этих глаз, что буквально загипнотизировали его сознание.

– Ты слышишь меня? – произнёс ириконец уже тише и спокойней. – Брось оружие мне в ноги. Мне так легче будет с тобой разговаривать. Не бойся, я не убью тебя.

Трофим колебался. Вместо того, чтобы выполнять требование, он разглядывал своего врага с нескрываемым интересом. Это был молодой ириконец, или как они себя называли – молодая ириканка. Одногодка, скорее всего. Нежные черты лица как-то странно сочетались с агрессией...

– Брось оружие! – закричала ириканка странным высоким голосом и пальнула в землю, прямо около ботинка Трофима.

– Псих! – Трофим словно очнулся. – Ты же сказала, что не убьёшь меня!

– Я могу передумать, – срываясь в голосе, проговорила ириканка.

Её верхняя губа дрожала, обнажая крепко стиснутые зубы. На лбу появилась испарина. Ириканка тяжело дышала. Похоже, она волновалась больше, чем ее противник. И Трофим это почувствовал. В зелёных раскосых глазах стала утихать злоба и преобладать страх. Трофиму почудилось или же он действительно увидел в них ещё и просьбу. Забавляясь своими мыслями, он представил себе, что бы сейчас говорил этот смешной рыжий человек, если бы был правдивым: «Пожалуйста, брось оружие. Иначе мне придётся стрелять, а я этого не хочу. Я пацифист по натуре и вообще с этой штукой управляться не умею. Я боюсь тебя до смерти, но больше этого я боюсь убить».

Трофим невольно усмехнулся своим мыслям. Ириканка расценила усмешку по-своему и с широко открытыми от ужаса глазами выстрелила ему в ногу.

Глава 14. Сделка

Трофим упал на землю, ощущая мерзкое онемение в ноге и схватился за свой борот. Но не успел его даже поднять, как ощутил в правом запястье такое же онемение, как и в ноге. Борот глухо выпал на землю. Ириканец осторожно и нервно отодвинул его ногой в свою сторону. Трофим застонал от обиды. Какой-то сморчок, меньше его в полтора раза, полностью обезоружил его с помощью глупого нервно-паралитического борота. И ещё захватил его боевой, табельный. Да он же с ним обращаться не умеет!

– Не делай глупостей, – проговорил Трофим, приподнимаясь на локте. – Я асконский пограничник, солдат. Если со мной что-нибудь случится, это расценят как прямую провокацию на войну. Ты хочешь войны?

– Попробуйте, асконские твари, доказать мою причастность к твоей трагедии, – ириканка нехорошо усмехнулась дрожащими губами, сиюсь сохранить боевой вид. – Фактически я сейчас нахожусь в своём родном городе. А что случилось с глупым асконцем на нейтральной территории, о которой ходят жуткие слухи, никого не интересует.

Трофиму стало на минуту плохо, когда он вспомнил о своей догадке, что его собеседница нелегально пересекает границу города. Действительно, её никто не будет подозревать.

– Да ты погоди, – хмурился он в поисках спасительных аргументов, – я, может, вам ещё пригожусь.

– Кому это нам? Мне точно ты не нужен.

– А, может, я единственный шанс на выживание наших рас?

– Что? Ты слабо походишь на чей-то шанс.

– Ты хочешь меня оскорбить, где-то я тебя понимаю. А вот Бескровных отнеслась ко мне несколько нежнее.

– Ты знаком с Даяной? – недоверчиво фыркнула молодая ириканка.

– Да. У неё такие же оттопыренные уши, как у меня.

Ириканка отпустила оружие и удивлённо приподняла брови.

– Значит, ты тоже знаешь Бескровных? – догадался Трофим.

– Это моя мать, – ириканка убрала оружие за пояс и присела рядом с асконцем на землю.

– Мать? Вы не похожи.

– Она была супругой моей матери. Я зову её мамой. Кстати, моё имя Анитси Роуз, – Анитси раскрыла в приветствии ладонь и подмигнула собеседнику.

– Трофим Родон – ответил левой, не парализованной рукой асконец.

– Так какие у тебя ко мне вопросы были Трофим, – Анитси хитро склонила голову, – а ещё и предложение?

Трофим кивнул в сторону большого камня, покрытого мхом.

– А-а, – протянула Анитси, вскинув голову и широко улыбаясь, – тебе интересно, что там?

– Это «пещера познаний»? – поспешил с выводами Трофим.

Анитси хмыкнула:

– «Пещеры познаний» не существует – это легенда.

– Ну, кто знает? – таинственно приподнял брови молодой асконец.

– Ты совсем как моя младшая сестра, Марта, – продолжала улыбаться Анитси. – Та тоже всякую чушь несёт.

Тут Трофим отметил про себя, что если бы не парализованное тело, то с удовольствием надал бы нагловатой собеседнице пинка. Но вместо этого ему оставалось ехидно улыбнуться в ответ.

- Так что же это? – медленно спросил он.
- Это... Это твой первый вопрос, который ты хотел задать?
- Да... – Трофим был несколько обескуражен поворотом разговора.
- Какой второй?
- Как ты сюда пролетаешь через пограничников?
- Это, я полагаю, твой второй вопрос, – Анитси легла на спину и закинула ногу на колено второй, шурясь, смотря в небо.
- Правильно полагаешь, – Трофим невольно залюбовался, как лучи солнца играли на её светлом лице и путались в рыжих прядях на висках, заставляя их светиться изнутри.
- Теперь твоё предложение, – ириканка по-деловому щелкнула пальцами в воздухе.
- Я могу заставить твою каракатицу развивать скорость намного больше, чем она может себе позволить на данный момент.
- Вот как? – Анитси слегка, почти небрежно повернула голову в сторону ириканца, но Трофим уловил в её лице заинтересованность и понял, что предложил именно то, что нужно. – Но вопросов два, а предложение одно...
- Зато – какое предложение! – тихо и внушительно сказал Трофим, пряча улыбку. – Не хочешь – не надо, – поспешил он добавить и отвернулся от собеседницы, ложась на спину – ему было очень неудобно держать весь корпус тела на одной, не парализованной половине.
- А ты умеешь уговаривать, – ириканка вскочила на ноги и встала перед Трофимом, упершись руками в бока. Он с удовольствием разглядывал её нелепую ириканскую фигуру – что-то в этом зрелище было завораживающее. Определённо в сферических формах была какая-то магия. Он прищурился и приподнялся на локте.
- Что конкретно ты можешь мне предложить? – Анитси Роуз склонила голову набок.
- Мой новый двигатель, который я совсем недавно собрал. Я установлю его на твою машинку, и она будет летать как сумасшедшая.
- Послезавтра на этом же месте, в это же время, – решительно, словно боясь передумать, назначила Анитси и повернулась, чтобы уйти.
- Борот верни! – крикнул ей вслед Трофим. Ириканка вынула конфискованное оружие из кармана куртки и, не оборачиваясь, положила его на большой камень, мимо которого проходила по пути к своему стратолёту.
- Трофим лениво наблюдал за взлётом «Рыжей молнии» и с удовольствием отмечал, как постепенно к его телу возвращается чувствительность. Вот почему ириканка так поспешно ушла – она знала время паралитического действия своего оружия и не стала рисковать. Несмотря на весь её боевой вид, она всё же боялась асконца... во всяком случае опасалась.

Глава 15. Приём у Бескровных

Анитси рисовала. На холсте она выводила последние штрихи, отходила в сторону, критически осматривала свою работу, склонив голову набок, затем снова подходила и исправляла. Она рисовала целый день, пропустив обед и ужин. Провозившись до самого вечера, девушка заметила ход времени лишь тогда, когда стало плохо видно из-за садящегося солнца.

Комната, в которой она жила, находилась на втором этаже большого дома Даяны Бескровных. Она была очень просторной для одного человека, даже слишком помпезной. Серые колонны, возвышавшиеся у входа, полукруглый потолок, арочные окна – делали комнату никак не похожей на спальню молоденькой девушки. Ветер ворвался в приоткрытое высокое окно и выгнул дугой занавеску. Вечерняя прохлада проникла в комнату. Девушка поёжилась, но окно не прикрыла – она была занята у картины. Ветер бессовестно трепал кусок серебристой материи, заставляя развеяться вглубь комнаты, почти касаясь плеча художницы. Та отмахнулась рукой от занавески и отошла от картины.

Склонив рыжеволосую голову набок, Анитси любовалась своей работой. Она прищурила глаза, и на губах заиграла лёгкая ироничная улыбка. Анитси прошла вдоль картины вправо и влево, словно кокетничала перед ней, вскинула вверх подбородок и немного надменно произнесла:

– Прекрасно! Мне нравится, как ты у меня получаешься.

В дверь кто-то нервно постучал. Анитси вздохнула: так стучится только Марта, родная дочь Даяны.

– Привет, – Марта, не дожидаясь приглашения, влетела в комнату сестры так стремительно, словно давно хотела сюда попасть. Она проворно плюхнулась на её кровать и, подперев острый подбородок кулачком, приподнялась над подушками. – Что ты там рисуешь?

Анитси поспешно развернула полотно к стене и повернулась к вошедшей, принимая воинственную позу, упираясь кулаками в бёдра.

– Какого чёрта ты сюда пришла?

Марта томно закатила глаза, чёрные и настолько огромные, что непонятно было, как они помещались на таком худеньком лице.

– Мать тебя звала, – нехотя отозвалась она. – К тебе какая-то дама прибыла. Свататься, наверное.

При этих словах Марта хмыкнула, давая понять, что с удовольствием полюбуется сценой, которая доставит её сестре несколько неприятных минут.

– Я никуда не пойду, – отрезала Анитси после короткого молчания. Она отошла от картины и, вытирая на ходу руки, облокотилась на подоконник.

Вечер был прохладным и немного влажным. Из-за туч звёзд почти не было видно. Но такая ситуация на небосклоне не обещала быть постоянной. Усиливающийся ветер подгонял тучи, унося на запад.

– В Асконии ночью будет дождь, – тихо протянула Анитси.

– Да чтоб их там вообще залило! – от всей души пожелала Марта.

– Дура, – как-то лениво заметила Анитси. – Они ничего тебе не сделали плохого.

Марта поднялась с кровати и пригладила взъерошенные чёрные волосы, коротко остриженные по последней ириканской моде.

– Может быть, ты и права, – несколько смущённо проговорила она, – но они с удовольствием пожелали бы нам того же, увидев тучи, плывущие в сторону нашего города.

Анитси рассмеялась. Её позабавило не только длинное предложение, произнесённое Мартой, но и та правда, которая была в её словах.

– Да, наша вражда носит несколько гиперболический характер, – сказала она.

– Так ты идёшь? – Марта вскочила с кровати и одёрнула синие шаровары, поправляя на них складки.

– Куда?

– «Куда»? Глупый вопрос. Я же сказала: мать зовёт.

Анитси поймала губами выбившуюся из причёски прядь волос, что спадала с открытого лба, и крепко задумалась. Ей очень не хотелось идти к Даяне. После неудачных переговоров в Асконии она была сильно не в духе. Стали частыми стычки с её родной дочерью Мартой, которая была столь же упрямой. Анитси постоянно играла роль буфера в этих непростых отношениях: никогда не лезла на рожон и искала обходные пути.

Её рыжая копна волос и раскосые зелёные глаза делали её схожей с лисицей, а пристрастие к хитрости увеличивало это сходство.

И сейчас девушка мучительно придумывала выход из трудной для неё ситуации. Она быстрыми шагами мерила комнату, заставляя Марту крутить головой, следя за её движениями.

– Хватит метаться из угла в угол! – не вытерпела Марта. – Не хочешь идти – не иди.

Анитси резко остановилась.

– А ты сможешь мне?

В ответ Марта лишь нахмурилась. Она честно не понимала, как может помочь.

– Сейчас объясню, – Анитси сдвинула ладонями виски и зажмурилась.

В приёмную для гостей в панике вбежала маленькая худенькая девушка. Её большие глаза были распахнуты от ужаса.

– Мама! Там Анитси! Ей плохо! Скорее!

Даяна Бескровных, в шикарном костюме для приёмов, сорвалась с места и, перепрыгивая через две ступеньки, помчалась наверх. Гости растерянно крутили головами и поглядывали на растерявшуюся после своего первого подвига Марту. Та смущённо улыбнулась и побежала за матерью. Ей было очень любопытно, что дальше будет делать Анитси. А Анитси лежала на полу своей комнаты, свернувшись в калачик, и тихо стонала. Стон её был слабым, скромным и безнадёжным.

– Девочка моя, – Даяна упала перед ней на колени. – Что с тобой? Ты нездорова?

– Нездорова – это не то слово, мама, – Марта сочувственно склонилась над сестрой. – Она больна.

– Анитси, – Даяна приподняла голову девушке.

– Ма, – произнесла несчастная, – я что-то съела не совсем свежее... меня тошнит... и живот болит.

– Тебе нужно промыть желудок. Срочно!

– Я отвезу её к доктору Лоре, – вызвалась Марта.

– Сможешь? – её мать пылливо посмотрела на неё.

– Конечно. А тебе нужно отправляться к гостям. Это же важный приём.

Бескровных ещё раз оглядела племянницу, убедившись, что та жить будет, кивнула головой.

– Хорошо. Марта, лови такси.

Глава 16. У Ирмы

– Нет, ты со мной не полетишь, – ожившая Анитси отчаянно отпихивала ногой младшую сестру за дверь «тарелки». – Тебе туда нельзя.

– Я тебя сопровождаю к доктору, – возмущалась та, – и если ты меня не возьмёшь с собой, будут вопросы.

– Полети в другое место, – у Анитси не было недостатка в энергии, и Марта почти сдалась. Но в последний момент она напрягла свои слабые мускулы и ворвалась в кабину, как недавно врвалась в чужую комнату.

– Мне некуда лететь, – сказала она, выдохнув и захлопнув дверь. Трогай!

Анитси обречённо вздохнула и включила двигатели. «Тарелка» с девушками прилетела к одному из модных в городе домов, где устраивались приёмы. Этот дом принадлежал Ирме, ведущему модельеру. Она была молода, эксцентрична, обожала весёлое общество и неразведённый стик.

Здесь чаще всего и отдыхала Анитси в свободные вечера.

Марта была в этом доме впервые. Она вообще слыла домоседкой и не выходила в общество. Поэтому ей было очень интересно увидеть всех этих людей в непринуждённой обстановке.

– Веди себя так, словно тебе уже страсть как надоели эти лица, – учила на ходу её Анитси. – Не пялься на всех, будто они невидаль какая.

– Хорошо, хорошо, – шептала Марта. Она заметно волновалась. – Не учи, сама ориентируюсь.

Они вошли в хорошо освещённую комнату. Анитси откинула волосы назад и бодро зашагала навстречу какой-то девушке.

– Анитси! – выкрикнула та и распахнула объятия. – Как же долго тебя не было с нами!

Девушки обнялись.

– Как же, «долго», – усмехнулась Марта, – почти каждый вечер зависает.

– А кто это бледное очаровательное создание? – восторженная девушка обратила внимание на Марту. – Такая хорошенькая и грустная.

– Это моя младшая сестра Марта, – представила Анитси свою Марту хозяйке дома.

– Пойдём, милая, – Ирма подхватила растерявшуюся девушку за руку, – я тебе всех здесь представлю.

Она увела с собой Марту, а Анитси взяла со стола бокал стика и присела на диванчик, где уже мирно беседовали две стильно одетые дамы. Она присоединилась к их пустой болтовне и на миг забыла обо всех своих предыдущих переживаниях.

Когда зазвучала лёгкая несмелая мелодия, журчание голосов стало немного тише. Анитси, делая вид, что слушает соседку по дивану, разглядывала присутствующих сквозь опущенные ресницы.

Общество было всё тем же: старым, привычным. У всех были сдержанные движения, добродушные лица и предсказуемые поступки. В таком обществе приятно было отдыхать, а можно было бы и спокойно уснуть. Впрочем, никто бы этого не заметил, и, что самое ужасное, никто бы не разбудил...

За несмелой музыкой полилась лёгкая танцевальная мелодия, и некоторые гости пустились в пляс. Среди танцующих Анитси заметила Марту. Она кружилась в образовавшемся кругу с необычной лёгкостью и с такой же лёгкостью меняла своих партнёров. Похоже, её задумчивое бледное личико имело здесь неслабый успех. Анитси улыбнулась. Наконец-то её сестра

найдёт себе пару и перестанет от скуки лезть в её дела. Она даже позволила себе ещё стика и, потянувшись, расслабилась на подушках. Захотелось подремать. Хоть чуть-чуть.

– Здравствуй, кроха! – Анитси в полудрёме не сразу узнала в закутанной в яркую мантию и с тюрбаном на голове Бешеную Розу. Та плюхнулась между ней и недавней собеседницей, закинув большие руки на спинку дивана. Собеседница Анитси тут же ушла, уловив не терпящий возражений взгляд авторитарной ириканки.

Анитси расплылась в улыбке. Наряд Розы смешил её. Нет, пожалуй, смешней выглядел макияж. Но Бешеная Роза решила, что девушка просто рада её видеть. Она гордо выставила вперёд свою могучую грудь и произнесла как можно нежнее:

– Угостить тебя выпивкой, детка?

– Спасибо, Роза! Ты чудо. Но я уже выпила второй стакан стика.

– Как ты можешь пить это грубое пойло? – Роза пыталась брезгливо сморщить носик, но на широком её лице подобная гримаска больше походила на недовольную мину. – Как ты можешь вообще пить? Ты помнишь, что скоро у нас решающие гонки?

– Такие деньги, Роза! – Анитси улыбалась во всё лицо. Её веселил сегодняшний образ Бешеной Розы. – Как я могу забыть?

– Где ты тренируешься? Мои девочки давно не видели тебя на улицах города.

– Твои девочки носят погоны и свистки?

– Не будь такой злой, кроха! Ты же знаешь, что если тебе так нужны деньги, я могу тебе их просто так отдать. Ведь мы же друзья?

Она доверительно склонилась над Анитси и слегка прикоснулась к её щеке бриллиантом большого перстня на указательном пальце.

– Ага, – Анитси слегка отстранилась, от Розы пахло чем-то кислым. – Спасибо, конечно, но есть ещё спортивный интерес.

– Анитси, – кто-то упорно дёргал её за плечо. – Вставай! Вставай же, тебе говорят.

– Что?! – Анитси повернулась. Над ней склонилась Марта. – Ты чего не веселишься?

– Мне здесь скучно, – призналась та и понизила голос до шепота, насмешливо кивая в сторону собеседницы сестры, добавила. – Я вижу: тебе тоже. Полетели отсюда.

Никогда появление Марты не было столь вовремя, как сегодня. Анитси поспешно встала и попрощалась с Розой.

– Так где ты тренируешься? Ты мне так и не сказала! – крикнула вслед ей недавняя собеседница.

– В спортзале, – бросила через плечо Анитси и уволокла за собой сестру.

Глава 17. У Элайзы

Анитси задала программу полёта и откинулась на кресло. Выпитое спиртное не позволяло ей самой управлять стратолётом.

– Я думала, тебе с ними понравится, – она искренне удивлялась разочарованию Марты. – Это же высший свет общества. Ты хоть поняла, с кем танцевала?

– Что же ты с ними тогда не выплясывала, если они такие замечательные? – съехидничала Марта.

– Они успели мне надоест.

– А мне они вообще не понравились.

– Кто-то тебя там обидел?

Марта вздохнула и, напряжённо взглядываясь в темноту города, произнесла:

– Они какие-то... ненастоящие...

Анитси удивлённо вскинула на сестру взгляд и легонько присвистнула.

– Что же в них не настоящего?

Марта только нахмурилась в ответ и отвернулась к окну.

– Так тебе нужно совсем другое, – Анитси весело забегала пальчиками по клавиатуре настройки полёта. – Я тебя кое с кем познакомлю. Но, чур, потом не жаловаться. Скучно ей стало...

«Тарелка» такси сделала резкий наклон и вошла в вираж между высотками.

Ещё в каких-то окнах горели полуночные огни с разными судьбами и проблемами, но в основном город спал. Город спал, потому что завтра с рассветом каждому жителю предстоит встать, потянуться и занять своё место в большом организме «цивилизованного общества». А сейчас этот организм отдыхал, «расслабив все свои мышцы». Но, как и полагается всякому организму, погрузился в сон он не весь. Где-то лениво пульсировала жизнь, патрули неспешно прочёсывали ночные улицы, «следя за иммунитетом организма». И, конечно же, как и во всяком организме, случались тайные очаги воспаления.

В Ирике подобные неприятности происходили, как правило, на окраине, в самой северной части города, где зима была долгой и суровой, и куда редко залетали ревизоры. Туда-то и направилась маленькая «тарелка-такси», увозя в своём салоне двух молодых ириканок.

Марта с настороженностью наблюдала, как Анитси настраивала самую максимальную высоту, какую могут набрать «тарелки», поднялась почти под облака и направила машину вдаль от центра.

Анитси молчала. Теперь, несмотря на дозу алкоголя в крови, она вела такси сама, что требовало дополнительной внимательности. Её сестра, молча наблюдавшая за полётом, догадывалась, к чему такая самостоятельность. Она просто облетала патрульные посты, чего бы не стал делать автопилот, который выбирает всегда краткий путь.

– Куда ты меня везёшь? – осторожно спросила Марта.

– Туда, где тебе будет веселее, чем в салоне Ирмы.

Больше Анитси не проронила ни слова за весь получасовой полёт. Полчаса, казалось бы, не великий период времени, но Марта смотрела на приборы и видела, что это тихоходное судно летело с предельной для неё скоростью и, надо полагать, завезло их далеко. Далеко на север.

То, что это именно северная часть города, Марта поняла сразу же, как покинула тёплый салон «тарелки».

– Пойдём, – Анитси бойко соскочила с подножки и захлопнула дверь.

Марта осторожно прикрыла пассажирскую дверь и последовала за сестрой. Было холодно и темно. В этом районе города тучи буквально нависали над землёй лилово-серыми пачками. А ещё кругом стояли вековые сосны, под ногами сырая земля с растительным покровом, не знающим газонокосилки.

Когда «тарелка» погасила огни, стало ещё темнее. Но Анитси уверенно шла вперёд, увлекая за собой Марту. Глаза немного привыкли к темноте. Марта уже могла различать дорогу, по которой шла. Это, строго говоря, и не было дорогой. Просто тропинка, еле вмещающая на себе два человека. С двух сторон нависали лапы елей, а раскидистые ветви клёнов покачивались на ветру, шелестя листвой.

Пройдя ещё метров сто по тёмной заросшей аллее, девушки, наконец, подошли к двери большого каменного дома.

Дверь с легким скрипом отворилась, и в слабо освещённом проёме её показалась громадная бесформенная фигура.

– Анитси? – голос у фигуры был низкий и сиплый. Она слегка покачалась, чтобы отойти в сторону.

– Ирка, пусти нас. Это со мной, – Анитси раскрыла ладони кверху, Марта повторила за ней.

– Маленькая Бескровных? – толстуха продолжала медленно раскачиваться, полностью раскрывая дверь. – Ты уверена? Ей можно доверять?

– Я ей доверяю, – Анитси улыбнулась.

– Мне всё равно, – Большая Ирка пожала плечами. – Что скажет Элайза.?

Девушки вошли. При электрическом свете Марта увидела, что толстуха была молода, лет двадцати пяти не больше. Но она никогда не видела таких тучных людей в столь молодом возрасте. И разрешат ли ей клонирование?

Ирка пропустила гостей и старательно закрыла за ними дверь. Пока она возилась с засовом, Анитси и Марта поднялись по лестнице на один пролёт.

– Она такая толстая, – прошептала Марта своей сестре, оглядываясь на стоящую внизу Ирку.

– Это не её вина, – Анитси печально скривила губы. – Её мать была такой и бабка. Бабка, правда, чуть поменьше. А вот прабабка нет... Что-то стало меняться в генотипе у них в роду. Она не будет клонироваться дальше.

– Не разрешают?

– Не хочет. Ей очень трудно передвигаться.

Анитси схватила за руку Марту и потащила по лестнице вверх, дальше, к полуоткрытой двери, откуда доносились оживлённые разговоры и смех.

– Которая здесь Элайза? – тихо спросила Марта, пробираясь в комнату вслед за Анитси.

– Сейчас увидишь.

И Марта увидела. Та сидела в окружении других ириканок на широком табурете, подогнув одну ногу под себя – высокая, стройная, непонятного возраста. Необычное сочетание сдержанности стиля одежды и нежных черт лица. Её золотистые волосы строго собраны в большой пучок на затылке, что выгодно подчёркивало белизну и стройность шеи и покатые плечи. Тёплая кофточка и плотные брюки классического покроя были прямым отражением моды северных районов, что делало всех жителей похожими друг на друга. Но резким контрастом во внешность Элайзы врезался цинично-прожигающий взгляд её синих глаз. А обветренные губы, казалось, навсегда сложены в иронической усмешке.

Ириканки весело болтали, но когда вошли гости, сразу умолкли и стали беззастенчиво разглядывать пришедших.

– Привет, девочки! – Анитси раскрыла ладони. Марта повторила за ней движение.

– Здравствуй, рыжая, – Элайза напряжённо улыбнулась потрескавшимися губами. Ей, видно, больно было улыбаться. – Это же маленькая Бескровных с тобой?

Девушки напряжённо молчали, лишь изредка шушукаясь между собой. Марта боязливо оглядела присутствующих и почувствовала, что они боятся её больше, чем она их. Она поздоровалась со всеми ещё раз, заглядывая чуть ли не каждой в глаза.

«А глазища-то какие! Как у матери. Так и зыркает», – разнеслось по всей комнате.

Пока Марта налаживала контакт с местными девушками, а они, обступив её, рассматривали со всей сторон, Анитси пробралась к Элайзе.

– Как ты?

– Также, – Элайза стояла перед ней, скрестив руки на груди. – Наш личный доктор следит за мной день и ночь. – Она смотрела на Анитси с усталой улыбкой и лихорадочным блеском в глазах.

– Ты не сердись на меня, что я привела к вам гостью? – Анитси не выдержала её взгляда и тоже улыбнулась.

– Нет, – Элайза небрежно пожала плечами. – Лучше расскажи, с какой целью.

– Она стала всё чаще запирается у себя в комнате и почти ни с кем не общается, кроме прислуги и меня. Бзик у неё появился – так она это называет. Считает всё кругом ненастоящим. Себя держит за сумасшедшую. У них в институтской группе уже пять девочек лежали с такими прибабахами. Того и гляди сама туда угодит. А она моя сестра.

– Ты хочешь, чтобы она была с нами?

– Я хочу, чтобы ты рассказала о вас.

Элайза опустила со вздохом голову и из-под бровей посмотрела на Анитси.

– Тогда освободи её от новых подруг, – сказала она после недолгого молчания, – и зайдём, пожалуй, в эту комнату. А то шумно.

Она кивнула головой в сторону узкой деревянной двери с облупившейся краской непонятного цвета и плотней закуталась в кофту.

Глава 18. Знакомство с «пропавшими»

Комната, в которую Элайза пригласила девушек, больше походила на будуар с тяжёлыми бархатными шторами и жёлтыми кисточками. Элайза устроилась на круглом одноместном диванчике, который был таким древним, что даже не принимал форму тела садившегося. Марта сидела на скамье, а Анитси забралась на подоконник. Она завернулась в старый синий плед, так как из окна дуло, но слезать оттуда ей не хотелось.

– Марта, – задумчиво произнесла Элайза. – Твоя сестра сказала, что ты не любишь, когда тебя называют по твоей громкой фамилии.

– Не люблю, – согласилась Марта. Она с любопытством разглядывала Элайзу. Такой странной девушки она ещё не встречала. Её глаза словно прожигали насквозь, но неловкости Марта не чувствовала.

– А ты знаешь, что ты потомок или вернее сказать далёкий клон Сусанны Бескровных. Знаешь, кто она?

– Что-то слышала... не помню...

– Она была самым мощным врагом асконцев. Они её жутко боялись.

– Я далеко не такая, как она.

– Конечно, многое износилось, пока очередь дошла до твоего рождения, но многое в тебе осталось, поверь мне. Я раньше изучала генетику и знаю кое-что об этом. В генетическом центре мы и познакомились с Анитси Роуз. Только она работает с животными, а я работала с людьми.

– И почему ты сейчас не работаешь? – Марта подёрла кулачком острый подбородок.

– Настало время мне клонироваться, а я не захотела.

– Почему?

– Я же сказала, я там работала, и знаю, как всё происходит. Знаю и то, как всё происходит после: из поколения в поколение.

Марта насторожилась:

– Объяснишь?

– Это слишком трудно для такой малышки, как ты, – Элайза потянулась. – Мне пришлось скрыться, что я до сих пор и делаю. Как это делают многие другие.

Марта взглянула сквозь приоткрытые двери. Ириканки собрались в круг и играли на музыкальных инструментах. Была слышна негромкая музыка. Такая красивая и необычная, в то же время агрессивная, словно протест против чего-то.

– Это наше невинное хобби, – уловив её взгляд, пояснила Элайза. – Хорошо влияет на нервную систему. В эпоху всеобщего помешательства рассудка просто спасение какое-то. А нам это необходимо прежде всего. Мы на грани.

– На грани чего?

– Элайза, – вмешалась Анитси, которая, казалось, дремала на подоконнике, – не дури девочке голову. Ей не всё дано понять.

– Ну, ты же сама меня просила ответить на её вопросы.

– Ну не так же глубоко.

– Марта? – Элайза развернулась к ней всем корпусом. – Ты действительно себя считаешь сумасшедшей?

Марта поморщилась и ответила не сразу.

– Я не знаю... да... Порой бывают такие мысли.

– Порой бывают такие мысли у всех, – отрезала Элайза. – Назови истинную причину.

– Мне... мне кажется, что всё, всё вокруг не натуральное. И даже люди... и даже я... – Марта смущенно приподняла брови и заглянула к Элайзе в глаза.

Элайза засмеялась. Она смеялась громко и открыто, как смеются люди с чистой совестью. Марта растерянно посмотрела на Анитси, но та, усмехаясь, только пожала плечами. Она уходила от объяснений, предоставляя всё этой золотоволосой красавице с эксцентрическим характером.

Просмеявшись, Элайза вытерла слезу с ресницы и с нежностью старшей сестры обратилась к Марте:

– Дитя моё, поздравляю, ты самая нормальная ириканка среди больного общества.

– Что? – Марта смущённо улыбалась. – Анитси, что она хочет сказать?

– Я хочу сказать, – почти кричала Элайза, – что ты права. Всё ненастоящее! Но ты поняла это сама. Гены Сусанны все же дают о себе знать. Она была сильным психологом почти на уровне телепатии. Но в те времена её считали просто ведьмой.

– Да кто вы все здесь? – Марта вскочила со скамьи. – Кто эти люди? Кто ты, Анитси?

– Вот кто Анитси, – Элайза тоже встала, – вопрос намного сложнее. А мы – те, кто должен по срокам клонироваться, но избегает этого в силу собственных убеждений.

– Они «пропавшие», – отозвалась Анитси с подоконника.

– То есть те, которые пропали без вести в течение этих трёх лет? – стала догадываться Марта и с уже другим выражением лица посмотрела на игравших на музыкальных инструментах девушек.

– Ну, да, – просто ответила Элайза и развела руками. – Анитси, она способная. Она нам нужна.

– Обойдётся, – не очень ласково ответила Анитси, даже не повернув к собеседнице головы.

– Ну, это ей решать, вступит ли она в ряды сопротивления или нет.

– Я не хочу вступать ни в какие ряды, – заявила Марта. – Всё это пахнет переворотом.

– Может быть, – устало ответила Элайза и открыла дверь в залу.

Музыка лилась из-под виртуозных рук и смычков. Она наполняла всё помещение, окутывала своей, никому не ведомой магией. Девушки вышли из кабинета и встали в дверях, слушая музыкантов.

– Они все обречены, – тихо говорила Элайза Марте. – Следующее клонирование не даст положительного результата. Ребёнок будет или умственно отсталым, или просто инвалидом, или параноиком, каких немало в городе. Сколько случаев суицида ты знала за последнее время?

Марта не ответила. Она знала их предостаточно.

– Человечество вымирает, – продолжала лидер пропавших без вести. – Так стоит ли проделывать агонию?

– Но и спокойно ждать смерти тоже нет никакого резона, – возмутилась Марта, – Вы же просто все умрёте один за другим, не оставляя после себя никого.

– Под «никого» ты понимаешь «самих же себя»? – Элайза манерно пожала худыми плечами.

– Но неужели ничего нельзя сделать? Неужели нет спасения?

– Да кто же его знает? – сказала с улыбкой Элайза, с улыбкой взглянув в сторону Анитси.

Марта тоже повернула голову. Анитси, всё ещё кутаясь в плед, досадливо поморщилась.

– Может быть, это наша рыжеволосая бестия с милой мордашкой? – Элайза подмигнула Анитси. Анитси скорчила рожицу.

Марта вскинула брови.

– А кем была Лора Роуз? – продолжала Элайза.

– Она была крупным владельцем сети институтов генетики, – почти прошептала Марта. – Так мама знает какую-то формулу? Она ничего не говорила. Но её историю о чудесном спасении во время взрыва рассказывают на всех семейных праздниках. Причём каждый раз с новыми подробностями.

Марта улыбнулась во всё лицо и весело закивала.

– Анитси – это ответ, – продолжала Элайза. – А решение мы пытаемся найти. У нас есть небольшая лаборатория, где я с помощницами работаю над генами твоей сестры. Но у нас пока ничего не выходит. Известно только то, что она самая здоровая, с мощным генотипом ириканка. Такой генотип я за всю свою карьеру ни разу не встречала.

– Элайза, сколько тебе лет? – спросила слегка удивлённая Марта.

– Не так много, – засмеялась та. – Мне тридцать, но работаю с восемнадцати лет. Эта работа досталась мне по наследству, как Анитси.

Марта потупила взгляд. Музыка закончилась. Элайза и Анитси стали аплодировать исполнителям.

– А теперь, – Элайза взвела руки вверх, – прочь, плохие мысли. Дана, Люда, что-нибудь зажигающее! Я хочу петь и танцевать.

– «У реки качалась лодка»? – откликнулась одна из музыкантш.

– Да, это моя любимая.

И вновь музыка заиграла. Несколько звонких стройных голосов подхватили песню, и весь зал пел и танцевал.

«У реки качалась лодка,

А я скромною была.

Я не жду тебя уж больше.

Наша лодка уплыла...»

Глава 19. Цель Марты

Уже светало, когда «тарелка» такси подлетала к дому девушек. Глаза Анитси слипались, и ей трудно было управлять полётом, но перевести на автопилот она просто не имела права. Марта то и дело щипала её за бок, когда та подумывала прикрыть глаза.

– Теперь я понимаю, – говорила она, – почему ты иногда весь день бываешь сонной.

– Надеюсь, ты ещё кое-что понимаешь: что не надо никому рассказывать об этой поездке.

– Конечно. Я должна поблагодарить тебя. Ты спасла меня от сумасшествия. Я не запомнила дороги. Повезёшь ещё меня туда?

– И ты ещё говоришь, что я спасла тебя от сумасшествия?

– Теперь у меня есть цель, разве это плохо?

– Это опасно.

– Это имеет какой-то смысл.

– Брось. Они сами не знают этого смысла, – Анитси выбирала удобную площадку для посадки. – Они протестуют, но не представляют, что предложить взамен. Они действуют как слепые котята, которые только что из пробирки... Сейчас я отключу двигатели... Вот сюда...

«Тарелка» приземлилась. Лёгкий всплеск энергии серебристым свечением растворился в воздухе.

– Ты, – продолжала Анитси, – никогда не видела слепых котят. А я их выращиваю. Они тычутся мордочками во всё, что попадает на их пути и совершенно не имеют представления об окружающем мире. Нет, конечно, «пропавшие без вести» знают больше, чем остальные, но этого недостаточно для борьбы. Не хватает информации.

– Так нужно её искать, – Марта чуть не подпрыгнула на месте. – Нужно искать её везде. Во-первых, в тебе и в твоей матери. А ещё есть такой миф про «пещеру познаний». Я понимаю это только миф, но у каждого мифа есть реальная основа. Представляешь себе, если это правда? Какой мощный запас информации просто так лежит и никто им не пользуется!

Анитси по-новому взглянула на свою младшую сестру. Она показалась ей повзрослевшей, и куда-то исчез тот дымок во взгляде, сквозь который не было видно её душу. Теперь большие чёрные, не выспавшиеся глаза горели азартом.

– Похоже, Элайза была права, – проговорила Анитси, всё ещё не сводя глаз с Марты. – Ты нужна им.

– Кстати, об Элайзе.

– Что с ней?

– Почему вы не вместе?

– Начинается, – Анитси рывком открыла пилотскую дверь и вышла.

– Нет, правда, – Марта выбежала за ней. – Она такая...

– Какая?

– Необыкновенная. И ты ей нравишься. Это заметно...

– О, Боже, дай мне сил! Отстань, мы с Элайзой только подруги и сотрудники. А насчёт всего этого мы сами разберёмся без всяких там мелких.

Анитси шла вперёд по вымощенной дорожке, за ней полубежала Марта, на ходу застёгивая кофточку. На улице было свежо.

– Я младше тебя только на два года, – возмущалась она. – И где-то даже умнее...

– Тогда, – Анитси резко остановилась, так что Марта по инерции врезалась ей в спину, – если ты такая умная, придумай, что сейчас мы скажем матери.

Марта выглянула из-за спины сестры. На пороге их дома, укутываясь в согревающее одеяло, стояла Даяна Бескровных.

Ох, и влетело же девчонкам по первое число за отлучку в неизвестном направлении на всю ночь! Конечно же, они молчали как проклятые, не выдавали цели и направления поездки. Анитси грешным делом боялась малодушия Марты, но та удивила сестру стойкостью, за что и была «вознаграждена» материнским наказанием. Сёстры были посажены под домашний арест. Даяна Бескровных могла себе позволить такую блажь, как не отпустить дочерей в университет и выставить охрану у дверей их спален. У дверей спален, а также, учитывая альпинистское прошлое Анитси, и у окон. Еду в комнаты приносила прислуга; телефоны и прочие коммуникационные приборы были изъяты. На три дня молодые ириканки были отрезаны от внешнего мира.

Анитси занималась картиной. Она почти ничего не ела. Из-за погружения в творческий процесс не ощущала хода времени и безболезненно переносила арест. Немного было не по себе, что пропустила встречу с асконцем на нейтралке. И не то чтобы очень хотелось получить супер-двигатель для своего стратолёта, просто как-то нехорошо получилось, да и двигатель хотелось получить. Гонки скоро.

Она присела на край огромной кровати и, подперев кулачком щёку, задумчиво смотрела на своё творчество.

– Сделка века сорвалась из-за банального родительского наказания! – процедила она зло сквозь зубы и упала спиной на кровать.

Глава 20. Разочарование Трофима

Трофим последние дни был мрачнее тучи. В свой единственный выходной он закрылся на чердаке и погрузился с головой в работу. Игорь Родон пробовал заговорить с сыном, но тот отделялся общими фразами.

– Трофим, твоё поведение не даёт мне покоя, – говорил Игорь, расположившись в лаборатории сына на кушетке.

– Пап, подай мне, пожалуйста, полотенце.

– Ты меня слышишь?

– Слышу, конечно. Чем же моё поведение отличается от твоего?

– Я знаю, что ты встречался с Даяной Бескровных.

– Ты тоже с ней встречался. Пока «один – один».

– Я встречался на собрании, и мне не приходилось выбирать. А ты летал на край города, чтобы попить с ириканцами чай. И не говори мне, что тебе просто было приятно их общество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.